

Реза Амир-Хани

Её Я

Иранский бестселлер

Иранский бестселлер

Реза Амир-Хани

Её я

«Садра»

2007

УДК 821.21-3
ББК 84(5Ирн)

Амир-Хани Р.

Её я / Р. Амир-Хани — «Садра», 2007 — (Иранский бестселлер)

ISBN 978-5-907041-81-3

В центре романа Резы Амир-Хани «Её я» – судьба тегеранской семьи Фаттах: дедушки, его сына и невестки, и их детей – Али и Марьям. Сюжет растягивается от времён династии Пехлеви (1933 г.) и вплоть до сегодняшних дней, фоном его служат исторические события и потрясения, через которые Иран прошёл в XX веке: шахские реформы, революция, война, попытки вестернизации и стремление людей отстаивать свои самобытные традиции и образ жизни. Однако в фокусе рассмотрения автора – не столько политика и история, сколько сам человек, его противоречивый внутренний мир, его взросление и становление его личности, диалог с самим собой и с Богом, любовь и смерть. Повествование о жизни семьи сменяется погружением в субъективный мир мыслей главного героя, где время становится нелинейным, и текст наполняют воспоминания, ассоциации, мысли, краски, чувства, запахи. Среди всего этого пёстрого калейдоскопа ярким пятном высвечивается главный образ – возлюбленной, дочери соседей – красавицы Махтаб, трагически погибшей во цвете молодости в годы ирано-иракской войны при обстреле. Роман Резы Амир-Хани – тонкое, глубокое философское размышление о бренности существования, о неизбежности смерти и бессмертии, о сути любви и об отношениях человека с Богом. Книга адресована широкому кругу ценителей художественной литературы.

УДК 821.21-3

ББК 84(5Ирн)

ISBN 978-5-907041-81-3

© Амир-Хани Р., 2007

© Садра, 2007

Содержание

Предисловие	7
1. Я	9
1. Она	18
2. Я	22
2. Она	33
3. Я	46
3. Она	64
Конец ознакомительного фрагмента.	66

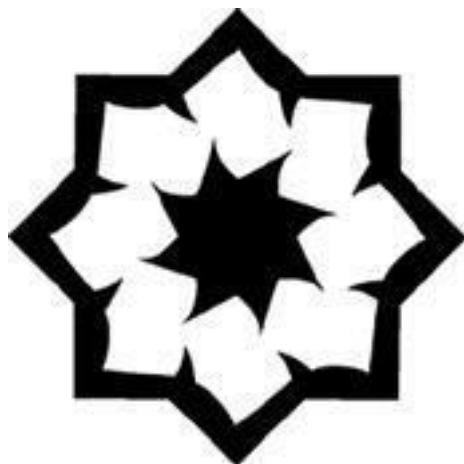
Реза Амир-Хани Её я

رضا امیرخانی
رمان

مَن او

ترجمہ: ال کسسان در آن دروش کین
وی راس تار عمل می: چه ان گری دری
راس تار ادبی: آن استاسی اوس اچووا
صفحه بندی: دنیس زوتوف
طراحی جلد: سیدی علی امامی رضوی

با حمایت:
بنیاد مطالعات اسلامی ابن سینا - مسکو

Издание подготовлено при поддержке Фонда Ибн Сины

© Фонд Ибн Сины, 2021

© ООО «Садра», 2021

Предисловие

Фонд исследований исламской культуры ООО «Садра» радо сообщить вам о начале выпуска серии современной иранской прозы под названием «Иранский бестселлер».

Это принципиально новый и перспективный проект, который, как мы надеемся, вызовет активный интерес у наших читателей. Ведь известно, что художественная литература занимает особое место в русской культуре, которая дала миру великих и знаменитых писателей-классиков. Соответственно, чтение прозы является очень важной частью русского мировоззрения и досуга, это – неременная составляющая культурной жизни России. Несмотря на наличие собственной богатой литературной традиции, носители русской культуры всегда были открыты и к творчеству писателей из других стран, от Латинской Америки и Европы до Японии.

Ведь художественная литература – это, наряду с наукой, философией, религией важный способ познания и осмысления реальности, без которого мировая культура бы оскудела. Принято думать, будто этот феномен чужд культуре данного региона, которая концентрировалась в основном на комментировании священных текстов, рациональном богословии, архитектуре и каллиграфии. Что касается собственно литературы, то в мире высоко ценятся произведения персидских поэтов-мистиков – таких, как Джалал ад-Дин Руми, Хафиз, Аттар, Фирдауси и др. Однако мало кто знает о прозе иранских авторов.

Иранская культура на протяжении веков отличалась глубиной и многомерностью восприятия сакральных текстов. Именно поэтому Иран сначала подарил миру свою знаменитую поэзию, а позже, уже в XX и XXI вв., привлёк внимание зрителей всего мира к собственному самобытному кино, которое не перестаёт завоёвывать награды на самых престижных фестивалях и симпатии знатоков и ценителей этого вида искусства.

Современную иранскую прозу отличают те же особенности, что и иранский кинематограф: это внимание к судьбам простых людей и их внутреннему миру, сложный психологизм, тонкость и многообразие художественных форм, наличие философского подтекста, интерес к эпохе и повседневной жизни.

Безусловно, ощутимо и взаимовлияние культур: так, в Иране русская литература пользуется особой популярностью. Иранскому читателю прекрасно известны имена А.С. Пушкина, Л.Н. Толстого, Ф.М. Достоевского, А.П. Чехова, А.М. Горького, М.А. Булгакова – книги этих русских классиков постоянно переводятся, издаются и раскупаются, их легко можно найти на прилавке любого иранского книжного магазина. А раз эти произведения так любимы иранскими читателями, мысль о родстве культур и мировоззрения напрашивается сама собой. Действительно, несмотря на все культурные и религиозные различия, между русским и иранским менталитетом нет непробиваемой стены, они вполне комплиментарны друг другу. Поэтому стоит надеяться, что проза современных иранских писателей найдёт тёплый отклик в душах русскоязычных читателей.

Разумеется, книги иранских авторов пронизаны специфическим восточным колоритом. Некоторые из них покажутся для неискущённого русского читателя чем-то новым и диковинным, но оттого – ещё более интригующим и интересным.

Вместе с тем в иранской прозе затрагиваются темы, которые неизменны и традиционны для художественной литературы, вне зависимости от региона и культурных особенностей, – это любовь, смерть, отношения между представителями разных поколений, семейные проблемы, судьба и поведение человека в сложных экзистенциальных ситуациях – таких, как война, грандиозные исторические события. И тот подход, которым руководствуются иранские прозаики, опять же, очень близок к русской литературной и кинематографической традиции.

Мы предлагаем вниманию читателей разноплановую прозу: от трагедии до социальной сатиры. Вместе с тем все эти книги объединяет одно – в Иране они стали настоящими бестсел-

лерами и несколько раз переизданными, завоевав подлинную любовь множества людей. Это неудивительно, ибо так называемые вечные темы никогда не утрачивают актуальности. Так, в фокусе рассмотрения Резы Амира-Хани, автора романа «Её я», – трагическая любовь длиною в жизнь. Роман Мохаммада Резы Байрами с необычным названием «Мертвецы зелёного сада» повествует о судьбе репортёра Балаша на фоне переломных исторических событий, связанных с борьбой Азербайджана за независимость на фоне столкновений армии иранского шаха Пехлеви со сторонниками коммунистической партии «Туде». Романы Хабиба Ахмадзаде «Шахматы с адской машиной» и Ахмада Дехкана «Путешествие на 270-ю высоту» основаны на реальных событиях и посвящены важной, исполненной героического трагизма странице в истории Ирана – войне с Ираком (1980–1988 гг.). Особой изюминкой обладают персидские сатирические повести и рассказы, высмеивающие косность, ханжество, лицемерие, парадоксы семейных отношений.

Мы с радостью и интересом ждём откликов, рецензий и предложений от наших читателей.

1. Я

Одна тысяча девятьсот тридцать третий год. Неширокая – в три прыжка перепрыгнешь – улица Хани-абад, такая же, как любая другая, да не совсем такая. Ибо сюда прибыли известные в народе семеро слепых нищих.

– О, жители Хани-абада, не поспешите! Семи слепеньким на пропитание...

«Абад» значит «обводненный и благоустроенный», но кто и когда обустроил улицу Хани-абад? Толком это никому не известно. Тянется она с севера на юг, от Казачьих казарм наверху до сада Моайер ол Ммамалек внизу¹. Посередине с ней происходят два события: одно – это встреча с улицей Независимости и второе – небольшой рынок Ислами. И то и другое – по левую руку.

Если идти по улице Хани-абад с юга на север, то на левой стороне увидишь множество разных лавок. В начале улицы – лавка холодильников Хаджи-Голи, в летнюю пору вокруг нее полно повозок, дрожек и ручных телег. Отсюда снабжалось льдом пол-Тегерана. И только в этом месте незаасфальтированную улицу Хани-абад поливали водой. Одну за другой выставляли бесформенные льдины, в палящем зное они таяли, и этой ледяной водой вспрыскивали улицу.

Дальше – другие магазины и лавки: жестянщики, печники, повозочники, в недавнее время перешедшие на производство кабин для грузовиков. После улицы Мохтари лавки становились более городскими: старьевщик, ткани, галантерея, парикмахерская, мясник, шашлычник, мороженщик.

Все лавки были по левую сторону улицы. А по правую был глубокий овраг. И в нем полным-полно маленьких домиков, каждый размером не больше комнаты в богатых домах на другой стороне улицы.

Семеро слепых как раз добрались до лавки старьевщика. Они сидели на обочине улицы и друг от друга ничем не отличались: все в одинаковой, старой и грязной одежде. Бог знает, какого цвета была эта одежда раньше, а теперь у всех темно-серая. Шаровары в пыли, оттого что на земле сидят. Они сидели, как обычно, в затылок друг другу, и первый из них гнусавил:

– Семи слепеньким на пропитание... Не поспешите... Сжальтесь...

Как только кто-нибудь подавал ему, он восклицал:

– Аллах да вознаградит тебя!

Это была условная фраза. Когда последний в цепочке слепцов – седьмой – слышал ее, он вставал, на ощупь пробирался вперед и садился первым:

– Семи слепеньким на пропитание... Не попади в руки подлецу... Пожалейте нас, чужестранцев... Аллах да вознаградит тебя!

– Семи слепеньким на пропитание... Да не умрешь ты страшной смертью, да не сгинешь как собака...

Таким образом, каждый из них получал подавание, последний перебирался вперед и садился первым, и вся цепочка медленно продвигалась вдоль улицы. Вот они уже доползли до лавки старьевщика.

Али Фаттах – а было ему лет двенадцать-три—надцать, не больше, он ходил в шестой класс – со своим дружкой Каримом, шли по улице и гнали двух барашков. Али держал в руке кусок каменной соли, которым он подманивал черного барашка: тот бежал за ним и лизал

¹ В романе упоминаются многие реально существующие географические названия, улицы и т. д. Например, в современном Тегеране есть квартал Хани-абад, улица Мохтари и др. Казачьи казармы в Тегеране в настоящее время не сохранились. – *Здесь и далее – примечания переводчика.* Моайер ол Ммамалек (1821–1873) – зять Фатх Али шаха Каджара, был губернатором Йезда и главным казначеем страны.

его руку. Карим гнал коричневого барашка. Дойдя до слепых, Али остановился, достал из кошелька почерневшую серебряную монетку – шай² – и подал ее первому слепому. Тот загнул савил:

– Аллах да вознаградит тебя!

Последний в цепочке слепец поднялся, согнувшись в три погибели, и, опираясь на плечи товарищей, пошел вперед. Не успел он произнести «семи слепеньким на пропитание», как Али уже достал из кошелька новенький саннар³ и отдал его Кариму:

– На, эту ты подай.

Карим рассмеялся:

– Да брось! Пойдем лучше два мороженных с шафраном съедим – толку больше...

Тут он взглянул на слепого и осекся. У старика веки закрывали пустые глазницы. Карим кинул ему в подол саннар.

– Аллах да вознаградит тебя!

Последний в цепочке поднялся и пошел вперед. А Али по-детски порывисто присел и начал мерить пядями⁴ расстояние от одного слепца до другого.

– Шесть пядей с небольшим! – объявил он Кариму.

– Ну да, уже до конца лавки старьевщика доползли.

– Может, к завтрашнему дню только до Сахарной мечети доберутся. Если дедушка их вечером не подтолкнет. Дед Фаттах вчера проходил тут, ускорил их от ледяной лавки Хаджи-Голи до жестянщиков. На целых десять шагов, и не простых шагов, а больших-пребольших...

– Вроде тех, какими в туалет бегут, чтоб не осрамиться.

– Ах ты грубиян!

Посреди улицы Хани-абад была мечеть, прозванная Сахарной. Она стояла на углу переулка, который так и назывался – переулок мечети Канд. Если свернуть на него, то сначала проходишь бакалейную лавку Дарьяни, потом еще пару домов, а за ними – дом семьи Фаттах. В нем каждая комната просторнее самого большого из домов в овраге. День этот был последним днем лета, завтра – начало учебы в школе. Ожидалось приготовление гормэсабзи⁵.

Али сразу забыл о словах Карима. Счастливый, он вскочил с земли и отряхнул брюки. Потом рассмеялся и, поднеся кусок соли к морде барашка, побежал по улице – барашек за ним. Карим тоже поспешил было следом, но сразу отстал, и не потому, что вымахал дылдой неуклюжим, а из-за того, что гиве⁶ у него были совсем рваные. Друзья миновали Сахарную мечеть и вскоре оказались возле дома. Али распахнул деревянную дверь и по крытому коридору пробежал во двор. В тот день у них дома готовили гормэсабзи. Али огляделся по сторонам и подвел барашков к гранатовому дереву возле большого бассейна. Те покорно под ним встали и начали жевать жвачку.

Дедушка курил кальян у окна главной комнаты дома – залы, оттуда обзор двора хороший. Он увидел Али и сильно пыхнул дымом, а когда бульканье кальяна стихло, позвал внука:

– Внучок, дорогой, подойди-ка сюда. Подойди ко мне... Оставь бессловесных животных там, где они есть...

Али вскочил на выступ под окном и подтянулся за подоконник. В это время с заднего двора показались Искандер и Муса-мясник. Муса поглаживал лезвием ножа по краю блюда.

– Хадж-ага! – обратился Муса к деду. – С вашего разрешения забью их под гранатовым деревом. Ради удачного возвращения вашего сына и ради благополучия внуков ваших.

² Шай – старинная серебряная иранская монета в $\frac{1}{20}$ часть крана, равнявшаяся 50 динарам.

³ Саннар – старинная иранская монета, равнявшаяся 100 динарам.

⁴ Пядь – старинная мера длины, равная расстоянию между растянутыми большим и указательным пальцами.

⁵ Гормэсабзи – жареное мясо с зеленью; приправа к плову.

⁶ Гиве – род обуви с вязаным верхом и матерчатой подошвой.

Дед прижал к груди голову Али и поцеловал его. Потом окликнул работника:
– Искандер! Ты напои животных сначала... И когда резать будетете, за ноги не держи их... Пусть души отдадут спокойно. И «бисмиллях» не забудьте, чтобы не осквернить все дело...

Али соскочил на землю, и дед окликнул его:

– Ты куда?

– Дед, товарищ мой за дверью стоит. Забыл я... Прости! Прости!

– Какой товарищ? Сын Искандера?

Али, кивнув, бросился к дверям. Пока бежал длинному крытому коридору, споткнулся пару раз и чуть не грохнулся на пол. На улицу выскочил, а Карима нет. Добежал до конца переулка. Там на табуретке перед своим бакалейным магазином сидел господин Дарьяни. На его бритое безусое лицо противно было смотреть. Отсюда он за всеми присматривал. Али обернулся на его магазин, и господин Дарьяни со своим сильным азербайджанским акцентом, спросил:

– Эй, Али, что случилось? Куда бежишь так?

Али неохота было разговаривать с болтуном Дарьяни.

– Куда бегу? Господин Дарьяни, Вы тут поблизости некоего Карима не видели?

– Кого?

– Карима!

Дарьяни рассмеялся:

– Говорит, как папаша его. Хитрец! Когда он из поездки-то вернется?

– Кто? Карим?

– Тьфу ты! Отец твой когда вернется?

– Когда рак на горе свистнет!

И Али выбежал на улицу, а Дарьяни продолжал говорить, обращаясь то ли к Али, то ли к себе самому:

– Когда он из поездки дай Бог здоровым вернется, пусть гостинцев не только властям препредержащим, но и нам немножко перепадет. Соседей пусть не забудет.

Али посмотрел в оба конца улицы. Дрожки, брички и грузовик «Джеймс» вдалеке. Если бы не искал Карима, обязательно побегал бы туда, чтобы разглядеть грузовик поближе... Но сейчас бросился к оврагу. Семь слепцов продвинулись еще на несколько шагов. Он помолился про себя, чтобы они добрались до конца улицы, прежде чем зарядит осенний дождь. Заглянул в нижний сад – Карима нет как нет.

Раздосадованный, направился к дому. В начале переулка Сахарной мечети его опять окликнул Дарьяни:

– Ну как? Нашел своего Карима?

Али ему не ответил. Дверь дома оказалась запертой. Он постучал мужским дверным молотком⁷. Искандер был во дворе и подошел открыть.

– Иду, иду. Это ты, Али? Так стучишь, словно отец твой из поездки вернулся.

И ему Али не ответил. Он небыстро прошел по крытому коридору и через двор, намеренно не глядя туда, под гранатовое дерево. Дедушка оторвался от кальяна.

– Ну что случилось? Где твой дружок?

Али помахал кистями, словно крыльями.

– Дружок улетел.

– От такого дружка лучше держаться подальше. Худой пример друг с друга не берите.

А то ты вертопрах еще тот!

⁷ В старинных иранских домах использовались два дверных молотка, различающихся по звуку: женский и мужской. Женщина-хозяйка, отпирая дверь, могла не закрывать лицо, если слышала по звуку, что посетитель – другая женщина.

– Я не вертопрах! Я тебя об одном прошу, дед: маме о моей дружбе с Каримом не говори. В этот момент в комнату вошла мама с большим подносом в руках.

– Ты где был, Али? Не захотел попрощаться со своими барашками?

Али повернулся к ней. Мама отдала поднос Мусе-мяснику, чтобы он выложил на него бараньи сердца и печенки. В это время Искандер, освежевав второго барана, повесил его на крюк под деревом, рядом с первым. Али не мог смотреть на ярко-розовую кровавую тушу. Подбежал к водоему, и его стошнило в воду. Мать подошла к нему и обняла:

– Кто тебя знает, чего ты наелся там на улице? Наверняка с Каримом шатался? Да?!

Дед рассмеялся и запыхтел кальяном. Мама взяла Али за ухо и так, чтобы Искандер не услышал, сказала ему:

– Сто раз говорили тебе, с задорожными не дружить. Добьешься того, что Искандера с женой без работы оставят. Отец вернется и выставит их за порог.

Али ничего не ответил – он стоял, нагнувшись, на бортике водоема. Дед сурово предостерег его мать:

– Эх, невестушка дорогая! Травка козлику должна по душе прийтись. Козлику откуда знать, задорожный там или сын Хадж-Али Наки, – какая ему разница? Дружба адреса не знает.

Потом он посмотрел на Али. Их взгляды встретились.

– Травка козлику должна по душе прийтись. А козлик – сладкоежка у нас! Где коня ты привязал? Ну-ка скажи мне! На лугу возле цветков... Чтоб не видели следков...

Али не произносил ни слова. Он смотрел на воду бассейна, в зеркале которой покачивались обе туши. Плохо было у него на душе. Он встал, вошел в залу и сел на подоконник, обратившись к деду:

– Мой барашек был черный. А Карима – коричневый. Знаешь почему?

– Нет!

– Мне коричневый цвет больше нравится. Поэтому я и отдал его Кариму.

– Молодец, парень! Мой внук...

– Но сейчас, когда с них шкуру сняли, уже не видно, какой из них мой.

– Почему же? Видно. Твой слева. Черненький.

– Откуда знаешь?

– А голова-то черная.

Дед указал Али на голову барашка. Черная голова вытаращенными глазами смотрела на правую тушу.

– Видишь? Смотрит во все глаза.

– Так он смотрит на правую. А ты сказал, что мой слева.

– А глаза никогда на себя и не смотрят. Все время смотрят на дружка закадычного. Это уж первое правило настоящей дружбы.

Али скинул с себя обувь и вошел внутрь залы. Со двора слышались голоса матери и его старшей сестры Марьям, дающих указания Искандеру. Али вдруг потянуло в сон. Дед, увидев это, отвел внука к диванчику и положил его голову на валик. Али закрыл веки, и не прошло и минуты, как он уже спал.

Во сне он увидел Карима, которого подвесили к дереву. Тот был голый, без одежды, и его вздернули ногами на крюк. И вот старшая сестра Али Марьям, сестра Карима Махтаб, Искандер и его жена – все побежали к дереву, на котором висел Карим, а дерево начало отдаляться от них. Мама кричала издали: «У всех задорожных такая участь, потому что едят всякую дрянь». Мамин голос все преследовал Али. То с одной стороны, то с другой. Потом ее голос забрался на ветки дерева, а оттуда по ошибке спрыгнул вниз в ухо Карима. Дерево все больше отдалялось, и тут Али увидел себя. Его отрезанная голова лежала на подносе и следила глазами за Каримом, висющим на дереве, а дерево уходило все дальше. И вот уже глаза Али потеряли из поля зрения Карима, но Махтаб, малолетняя сестричка Карима с прямыми каштановыми

волосами, так повернула его голову, что он опять стал видеть Карима. Среди бульканий кальяна раздался голос деда: «В этом первое правило дружбы. Голова человека должна быть на медном подносе, и кто-то должен ее поворачивать и направлять на дружка его...» Тут голова Али на подносе затряслась и загремела вниз...

...Голова его загрохотала и скатилась с диванного валика на пол. Он проснулся. Весь дом был наполнен приятным запахом мяса. Одним из тех запахов, учуяв которые дед говорил матушке: «Невестушка дорогая! Этой едой ты угости – пусть хоть одной лепешкой – семерых соседей. По всему кварталу от еды твоей вкусно пахнет».

Стало быть, жарили баранину. В зале было четыре двери, причем одна из них вела во двор. Али подошел к окну залы.

Был последний день лета. Мать по одному брала куски мяса и подавала Искандеру, а тот бросал их в глубокую сковородку. Дрова под сковородкой разгорелись хорошо – были серо-пепельными. И сильно пыхали оранжевыми языками пламени. Когда очередной кусок мяса падал на сковородку, поднималось сильное шипение, и мясо быстро румянилось в растопленном сале барашков. Запахи жареного мяса, жира и дыма смешивались и наполняли собой воздух. Потом это мясо сложат в пузатые горшки – хомре – и опустят в погреб⁸ рядом с домашним водохранилищем. Вначале над мясом будет слой жира толщиной в пядь, потом баранина впитает его. И зимой из этой баранины будут готовить разные блюда.

Нани, жена Искандера, из крытого коридора вошла во двор и, как всегда, громко поздоровалась. Ответил ей только дед. Она принесла свежий хлеб, завернутый в узел, и этот узел взяла из ее рук Марьям. А Нани подошла к сковородке и заняла место матери, чтобы подавать мясо Искандеру.

– Благослови Аллах Мусу-мясника! – сказала Нани. – Откормлены на убой. Мясо его убиной не пахнет. Такой запах вкусный по всему кварталу, прямо от лавки Дарьяни чувствуешь его.

Дед повернулся к мамаше Али и Марьям, сидящим рядышком, и сказал:

– Что я говорил, невестушка дорогая? Ты этой едой угости – пусть хоть одной лепешкой – семерых соседей. По всему кварталу пахнет. А нам мало будет – не беда. Соседский кусок, он... Марьям-джан! А ты налей большую миску семи слепым, дело хорошее. Искандер им отнесет.

Марьям пошла за посудой. Ей было лет пятнадцать или шестнадцать – на четыре года больше, чем Али. Похожа на него: такие же сросшиеся брови, губы как красный бутон, а про кожу ее Нани говорила, что ни румян, ни белил ей никогда не потребуется. Незаметно Марьям превратилась во взрослую девушку, и уже многие юноши квартала с нетерпением ожидали возвращения ее отца из поездки. Эти юноши отродясь к Сахарной мечети не подходили и вдруг стали ставить рядом разбросанные туфли её деда...⁹

Марьям вынесла из кладовки глубокие фарфоровые чаши-пиалы, увидев которые мама сказала ей:

– Марьям! Такими чашами не разбрасываются. Может, что другое возьмешь?

Марьям возразила:

– А где у нас то, чем разбрасываются?

Она поставила на большой поднос семь пиал, и Нани половником в каждую налила горячего мясного бульона. Дед еще велел Марьям одну пиалу отнести Дарьяни. Потом он заметил Али, выглядывающего во двор из окна.

– Ага, проснулся? Иди-ка сюда, шалопай. Бери свежий хлеб из узла и поешь горячего мяса с бульоном. Оно с пылу, с жару самое вкусное. Ты это мясо до семидесяти лет будешь помнить.

– До семидесяти лет?! Дед, семьдесят лет – это много.

⁸ По иранской традиции мясо, жаренное в собственном соку, заготавливается на зиму и сохраняется в закрытой посуде.

⁹ Ставить чьи-либо разбросанные туфли означает прислуживать, подхалимничать перед кем-либо.

– А это мясо стоит того! Мясо, жаренное в собственном соку, – оно запоминается.

Али посмотрел на сковороду. Запах свежего хлеба и жареного мяса опьянил его. Он выскочил во двор и приблизился к крыльцу. Взял хлебную лепешку, но, когда подходил к сковороде, увидел голову черного барашка, глядящего ему прямо в глаза, и остановился как вкопанный. Тоскливо ему стало. И стыдно оттого, что слюнки текли. В его памяти этот черный барашек еще глядел на него живыми глазами. Марьям заметила состояние брата.

– Что с тобой, Али? Чего остолбенел?

– Провокаторша! Ничего со мной не случилось. Мое личное дело, мадам сыщица.

Марьям сердито погрозила ему, потом сказала матери:

– Матушка! Али вроде как Искандера попросить стесняется. Положите вы ему мяса на хлеб, а то ведь бедняга голодный, скандалить начнет.

Потом она потихоньку шепнула Али:

– Видал мадам сыщицу?

Мама сошла с веранды во двор, взяла из рук Али лепешку и протянула ее Искандеру, чтобы тот положил на нее мяса. Но Али вдруг подбежал к Искандеру со словами:

– Дядя Искандер! Это мясо черного или коричневого барашка?

Искандер пробормотал что-то невнятное: вопрос Али сбил его с толку. Дед, рассмеявшись, крикнул с крыльца:

– Это мясо коричневого!

Тогда Али взял свою лепешку из рук Искандера и отдал ее Нани. Сопровожаемый удивленными взглядами матери и всех остальных, он сходил за еще одной лепешкой и сказал:

– Нани! Поджарь мясо черного, то, которое еще не трогали.

Нани с удивлением взяла несколько кусков с края подноса и отдала их Искандеру, тот бросил на сковородку. Скоро они подрумянились, и он достал их половником. Али поднес ему одну из лепешек для мяса, откусил от другой и сказал Искандеру:

– Дядя Искандер! Теперь на эту немного от коричневого барана.

Потом Али поднес обе лепешки с мясом бабушке и очень спокойно сказал ему:

– Смотри, дед! То, что я ем, это из барана Карима. А вот это будет полезно Кариму покушать, это из моего барана. Своего собственного барана человеку есть не рекомендуется.

– Болтун ты! И что, понесешь теперь Кариму?

– Ну да. Это же та самая настоящая дружба, о которой говорили. Для товарища ничего не пожалею. И я не шататься иду куда попало и не попугайничать, а к товарищу иду, как благородный человек.

Проговорив это, Али побежал на улицу. В крытом коридоре он чуть не столкнулся с Марьям, надевавшей чадру перед выходом из дома. Тут же стоял поднос с пиалами мясного бульона. Увидев то, что несет Али, Марьям воскликнула:

– Ага! Хлеб с мясом! Кому это?

– Мадам сыщица ведет следствие? Сегодня и ежедневно! Представление в театре «Лалезар»!

– Значит, не скажешь? Так? Хорошо. Но я знаю, это ты Кариму несешь. И скажу маме. Согласен? Мама!

– Замолчи! Провокаторша...

– Замолчу при одном условии.

– Каком?

– Что ты отнесешь эту чашку Дарьяни.

– С какой это стати?

– Мама!

– Ну хорошо, отнесу! А чего ты сама не отдашь ему?

– Вот так защитничек чести сестры. Приди в себя! Как я могу к чужому мужчине пойти?

Али удовлетворился ее ответом. Да и что ему оставалось? Он переложил обе лепешки с мясом в одну руку, другой взял чашку с бульоном и побежал к Дарьяни.

– Господин Дарьяни, прошу вас!

– Ага. Пожертвование принес? Принимается.

– Это не жертвование.

– А что же?

– Почему мне знать? Жаркое, которое мы на зиму делаем.

– Чего ж не подождали, пока твой отец из России вернется? Тогда бы и забивали баранов.

А теперь еще одного забивать придется.

Али, немного подумав, сказал:

– Вы правы, для нас это нехорошо получилось. Для баранов – тоже. Но для вас-то – вполне нормально.

– Хитрец! Однако говоришь ты правильно. Так когда хозяин твой вернется?

– Я ведь сказал уже: когда рак на горе свистнет.

– Хитрец! Я почему спрашиваю: у вас кредит кончился, у тебя и твоей сестры. Деньги, которые отец твой оставлял мне, позавчера иссякли.

– Все деньги? Как это может быть?

– А так, что твоя сестра позавчера всем-всем девочкам своей школы купила конфет – помадок.

– Всем девочкам?! Вот провокаторша, да еще растратчица!

– Только ты не болтай об этом. Она меня уговорила. А мне что? Я ей говорю: многовато тратишь. А она: ты, мол, у отца берешь деньги вперед, так оплачивай. Ну, что я мог сказать?

– Помадки! Значит, с девочками на улице помадки лопать – это прилично, а если я отказываюсь чашку отнести, то я плохой защитник чести? Ну я ей сделаю похлебочку – вкусный бульончик...

Дарьяни рассмеялся. Али наскоро попрощался и выскочил на улицу. Держа в руках две лепешки хлеба с мясом, он чувствовал, как они постепенно остывают. Вот-вот жир густеть начнет. Он хотел было побежать, однако подумал, что в таком случае ветер будет обдувать лепешки и они еще быстрее остынут. Так он и не мог ничего выбрать – то ли бежать, то ли тихо идти.

На улице он увидел Мустафу-дервиша – в белой длинной одежде, с седой бородой, держащего в руках серебряную чашку для подаяния. Дервиш шел размеренно, точно шаги считал. И при каждом шаге восклицал:

– О, Али-заступник!¹⁰

Али замедлил шаг. Многие говорили, что у дервиша не в порядке с головой, хотя Хадж-Фаттах, дед, наоборот, очень уважал дервиша, а Али брал пример с деда. Он негромко поздоровался с дервишем, а тот, заметив Али, откашлялся и сплюнул в арык. Потом, словно говоря сам с собой, произнес:

– О, юноша! Если человек спешит, он вынужден это делать, но если он не спешит, то никакой нужды нет. Так нужно ли спешить?.. Или не нужно?.. Аллах лучше нас это знает... О, Али-заступник!

Али задумался над его словами, но так ничего и не понял. Из-за таких-то слов и считали, что у дервиша не все дома... Мальчик побежал дальше по улице, а потом свернул вниз в овраг. Откидывал тело назад и тормозил пятками, чтобы не скатиться вниз кубарем. Всякий раз, как шли дожди или как арык переполнялся, задорожных заливало, и тогда Карим ходил в мокрой

¹⁰ Али – первый имам шиитов, муж дочери пророка Мухаммеда. В Иране приняты восклицания с именем Али, имеющие различные значения, например, возглас «О, Али!» произносят при поднятии тяжестей (соответствует русскому «раз, два, взяли!»). Слова дервиша «О, Али-заступник!» относятся к категории подобных возгласов.

насквозь одежде. Говорили, что много лет назад овраг этот выкопали владельцы и работники кирпичных заводиков, а таковых много было среди жителей улиц Хани-абад и Моуляви. По ночам, чтобы не видело городское начальство, они добывали здесь глину и возили ее к обжиговым печам. Потом в образовавшемся карьере люди понастроили избушек и хибарок. Али, спотыкаясь, пробирался среди этих лачуг и наконец вошел во дворик дома Искандера. А дворик был еще на полметра ниже, чем дно оврага.

Карим стоял в дверях. Можно сказать, что домик Искандера был на ту пору более свободен от людей, чем прочие хибары в овраге. Из детей только Карим и его сестренка Махтаб остались в этом доме, а остальные, более взрослые дети Искандера и Нани, или женились, или вышли замуж, или просто сбежали из дома... Хотя само понятие «сбежать из дома» здесь не имело особого смысла, так как между домом и улицей не было большой разницы.

Карим вместе с Али вошли во дворик рядом с вонючим бассейном, и аппетитный запах мяса смешался с вонью.

– Я к вам всю дорогу из дома бежал, чтобы не остыло, – объяснил Али. – Хотя думал, что от ветра быстрее остынет, поэтому не бежал, а шел.

Девичий голос спросил из домика:

– Так ты все-таки бежал или шел?

Карим с полным ртом откликнулся:

– Любопытная госпожа! Тебе-то что, бежал он или шел? – Потом повернулся к Али: – Ты сам меньше разглагольствуй, чтоб не застыло!

Али посмотрел на Карима. Тот ел словно в последний раз в жизни. Лепешку он разложил на бортике бассейна. Мясо и жир с нее брал рукой, как черпаком, а потом руку – чуть ли не весь кулак – засовывал в широкий рот и облизывал, причмокивая. Али отвернулся, чтобы не видеть этого, на пороге дома увидел Махтаб с каштановыми волосами, прямыми и гладкими, как вода водопада. На ней была глухая рубашка с лифом, короткая плиссированная юбка, а под юбкой – красные в цветочек шаровары. Лицо ее было миловидным, особенно когда она смеялась. Она раскрывала ротик, и губы-бутоны становились похожи на большую распускающуюся розу, и пахло от нее как от красной розы. А ведь ей было всего семь лет!

Махтаб тоже не смотрела, как ест ее брат. Али предложил было ей поесть, но она убрала руки за спину и ушла в дом. Карим, доев свою долю, вытер рот, потом обтер руки о шаровары и повернулся к Али, который смотрел на дверь дома.

– Брось ты эту ящерицу – ума у нее ни на грош. Ей не мясо не понравилось, ее все злит, что из вашего дома.

Али опять поискал глазами Махтаб. Она стояла в доме и через окно глядела ему прямо в глаза. Улыбнулась, и запах красной розы проник во двор и перебил запахи зеленой воды бассейна и остывающего мяса. А ведь ей было всего семь лет!

Али пришел в себя и сказал Кариму:

– Кстати! Мясо, которое ты съел, это был мой барашек – черный. Потому что своего собственного барашка есть нельзя. Если съешь своего, с человеком знаешь что случится?

– Выходит, то, что ты держишь в руках, это наверняка мой барашек, – сказал Карим, – коричневый?

– Правильно.

Тогда Карим обеими руками вынул из рук Али лепешку с мясом и, отвечая на его недоуменный взгляд, пояснил:

– Следовательно, это тоже мое!

– Твое? Ну конечно, твое, но кушать собственного барашка нельзя, знаешь что от этого будет?

– Плевать я хотел! Чего там может быть? Я в два раза больше тебя и сейчас чувствую себя прекрасно, так чего мне бояться?

– Плохое может быть. Вчера мы с этим барашком, живым, играли. А теперь ты его кушаешь преспокойно. Разве забыл, как мы ему соль давали?..

Али продолжал что-то говорить, а Карим уже в последний раз засунул руку в рот чуть ли не по самый кулак и облизал ее. Али стало плохо. Он схватился за живот и подошел к бассейну. Нагнулся, его стошнило, и вода в бассейне стала еще зеленее. Карим между тем вытер руки о шаровары, потом обнял Али и сказал ему:

– Кто тебя знает, чего ты съел, что тебя так корчит. И аппетита у тебя нет. А мне плевать на все! В день варки барана нельзя быть овцой.

Махтаб в это время засунула пальцы в рот, чтобы ее тоже вырвало, ведь ей было всего семь лет.

1. Она

В Иране годы считают по солнечной хиджре¹¹, но тот год, о котором идет речь, вовсе не был солнечным. Я полагаю, солнечным был другой год – 1320-й по солнечной хиджре (1941). Да и то не для меня, а для Карима. Для меня совсем другое было важно. Я был озабочен своими делами, хотя правильнее будет сказать – своим бездельем. А вот Карим – тот с детства все годы как-то отмечал, называл чьим-то именем. Например, 1936-й год был годом Акрам, которую ребята дразнили «верблюжьей лилией», уж очень она была длинная, даже Карим ей был едва по плечо. Да, чуть не забыл: год, предшествовавший году Акрам, был годом срывания хиджабов, в том же году Карим влюбился в учительницу-польку Марьям! 1937-й год был годом слепой Лейлы: говорили, что она была замужем, но муж ушел от нее из-за косоглазия. Каждый год имел свое имя. А когда в Тегеране, в квартале домов терпимости, начала работать «Шахро ноу», в город хлынули цыганки с юга страны, тут не то что месяц – каждая ночь имела свое имя. Но солнечным, на мой взгляд, было все-таки время одна тысяча девятьсот сорок первого года.

У меня же все было по-другому. Для меня все годы носили имя лишь одного человека, словно это был один день, длиной целую вечность. И если даже мне считать не годы, а десятилетия, все равно они носили бы то же самое имя. 1940-е годы – ее имени, 1950-е – ее имени, 1960-е – ее имени... Годы, месяцы, дни, мгновения – все ее имени, той самой, с прямыми волосами, той, которая, смеясь, раскрывала красный бутон губ, и в воздухе раздавался запах цветков жасмина. Это были не солнечные, а лунные годы, потому что «Махтаб» по-персидски значит «лунный свет»... И у нас была целая вселенная, и даже солнечные дни были лунными!

У нас была целая своя жизнь... Я был счастлив оттого, что отец вот-вот вернется из поездки, и в переулке Сахарной мечети ему воздвигнут триумфальную арку, и все будут говорить: «Али! Наконец-то отец твой вернулся!» И Дарьяни со своим бритым красным лицом оцарапает мне щеку, обнимаясь со мной, и назовет меня хитрецом, и со своим азербайджанским акцентом заявит мне: «Скажи отцу своему, помоги ему Аллах, после властей предержавших и соседей не обделит. Пусть и для нас монетку отложит!» Я был счастлив, когда дед по вечерам рассказывал мне разные истории, а я всякий раз, если кто-нибудь в них женился, представлял себя и Махтаб. О времена! Что они с нами сделали... Карима они поженили с родственницей Каджара-«слона», девушкой по имени Шамси, заморыша подставили под ножи убийц, и вот он уже лежит на кладбище Баге-Тути... А наша семья, семья Фаттах... Наша семья со всеми ее чадами и домочадцами – мы были мгновенно низвергнуты с весьма высокого положения на самое зловонное дно жизни. Еще вчера у нас было столько, что на нашу кошку смотрели как на хаджи, а завтра членов семьи не считали достойными подаяния...

Но тогда я жизни совсем не понимал. Барашков – вот тех я жалел... Черненьких, и коричневых, и золотистых, и розовеньких, и всяких, очень за них переживал. Или вот, например, семеро слепых: как я молил Всевышнего, чтобы до начала ливней они успели пройти нашу улицу... Словом, сердце не безразмерно: отдай его одним, и его не хватит на других. Потому-то в день заготовки мяса, когда все мечтают о нем, меня то и дело тошнило. Это не было правильно, но это не было и неправильно. Это была твоя правда, о Всевышний!

...И где ты теперь, дед? Куда делись твоя деловитость и твои многочисленные подручные? Куда пропали эти барашки и телята, которых приносили в жертву в переулке, чтобы исполнить твою волю? Куда девались твои благородные друзья, которые из уважения к тебе не чистили яблоки, а поедали их с кожицей, дабы не доставать нож при тебе? Мешки с отборным рисом продолжали исправно поставляться и через два года после смерти моего отца, и

¹¹ Годы солнечного календаря хиджры переводятся на годы грегорианского календаря путем прибавления числа 621 к году солнечной хиджры.

фляги с маслом из Керманшаха по-прежнему прибывали... А что случилось с теми глиняными горшками, куда в тот день закладывали мясо на зиму – то самое мясо, о котором ты говорил, что до семидесяти лет человек не забудет его вкус?..

«...Иди-ка сюда, шалопай. Бери свежий хлеб из узла и поешь горячего мяса с бульоном. Оно с пылу, с жару самое вкусное. Ты это мясо до семидесяти лет будешь помнить». – «До семидесяти лет?! Дед, семьдесят лет – это много». – «А это мясо стоит того! Мясо, жаренное в собственном соку, – оно запоминается...»

Воистину, вкус такого мяса запоминается. До семидесятилетнего возраста человек помнит его. Точнее, не до семидесятилетнего – уточним время по ракетному обстрелу¹², – а до шестидесятисемилетнего. Отнимем от шестидесяти семи те двенадцать лет, которые уже исполнились мальчику, и получим срок более полувека. Более полувека в человеческой памяти хранится запах того мяса... Мясо барашка, поджаренного в собственном соку, особенное, мясо же человека – совсем другое и пахнет отвратительно, можно сказать, мучает обоняние. На мой взгляд, мясо женщин пахнет неприятнее мяса мужчин, потому что в теле женщины больше жира... Не знаю почему, но, когда я добрался до их дома, мне сразу вспомнилась та заготовка мяса. Перешагнув через порог, я вошел во двор. Дверь лежала на земле. По покосившимся, полуразрушенным ступенькам я поднялся на второй этаж. Похожие запахи, только вместо запаха горящих дров и кипящего жира – запах взрывчатки, проникающий глубоко в ноздри и обжигаящий все внутри. И куски мяса, словно куски баранины, куски того черного барашка, которого я так любил. Давал ему соль, и он лизал мне руку... Вот так же и теперь... О Всевышний! До чего изящна женщина! Как лепестки цветков... Десятимиллионный город – а с какой точностью это произошло! Голова – отвратительная голова без волос, похожая на череп сгнившей рыбины, – лежала на полу. Ракета была... нет, был первый незванный гость, первый посторонний, увидевший эти волосы. И эти картины. Ведь ракета была именно посторонней, разве может ракета быть женщиной? Вот и разберись, где запах женского тела, где запах мужского тела, а где запах взрывчатки.

Эти прямые волосы, которые я не видел с ее девятилетнего возраста, смешались со сросшимися бровями и не переставали поражать... Марьям! Я сел на пол. Я оказался лицом к лицу с самим собой и пристально смотрел в свои собственные глаза. Как же я постарел! Шестьдесят с чем-то лет. И как же помолодел! Мне десять лет. Теперь уже и Марьям («мадам сыщица») не могла говорить что-то у меня за спиной, и я не мог у нее за спиной обмениваться улыбками с Махтаб и спрашивать по-французски: «Как ваши дела, мадемуазель?» ...А потом мы оба смотрели на картины. Тот, который был стариком, больше понимал в живописи. Тот, который был мальчиком, видел только, что картины сильно обгорели. Тот, кто был стариком, смотрел и плакал. Тот, кто был мальчиком, смотрел и плакал. Тот, кто был стариком, сказал:

– Видишь? Это абстрактная живопись, не выставлявшаяся в музеях.

Тот, кто был мальчиком, ничего не сказал. Тот, который был мальчиком, был братом Марьям, а тот, который был стариком... Эй, Махтаб!

В конце концов человек в зеленой униформе с трудом поднялся по разбитой лестнице, вошел и сказал нам обоим:

– Любезный, а что вы здесь делаете? Вы уже не молоды, вы не подумали о том, что эти развалины могут рухнуть?

Потом он еще раз посмотрел на нас, и, когда его взгляд погрузился в наш взгляд, он подошел и обнял меня. Своим стариковским голосом я попросил его помочь собрать картины, которые все еще криво висели на стенах. Он согласился. Спросил меня:

¹² Во время Ирано-иракской войны (1980–1988) Иран подвергался ракетным обстрелам, в частности, ракетный обстрел Тегерана произошел незадолго до конца войны.

– Это ваша живопись? – Я движением головы ответил, что нет. Потом он сказал: – Помилуй Аллах, это была жена ваша... Или сестра?

Своим мальчишеским голосом я начал всхлипывать. И солдат заплакал вместе со мной. Я снял со стен все картины. К одной из них приклеилась каштановая прядь из того самого водопада волос. Солдат хотел отклеить его от холста, но я не дал. Он все понял и оставил как есть волосы, и куски мяса, и запахи, и крики – на картинах.

Не знаю, училась ли Махтаб у Марьям, которая была ее старше, или, наоборот, Марьям у Махтаб, или обе они учились в Колледже искусств в Париже. Но они ни разу не устроили настоящей выставки. Не по душе им это было. Не хотелось, чтобы те самые два-три коммерческих зрителя-покупателя остановились перед их работами с той самой определенной целью.

...У вас цвета неверно положены на холст!.. Нужно ли рассматривать модернизм в зеркале традиции?.. Если бы вы хоть немного советовались с искусствоведами!.. Конечно, в картинах чувствуется талант, но... Почему вы не сделали каталог с ценами?.. Сколько лет вы занимаетесь живописью?.. Работаете ли вы по заказу?..

...На кладбище им вырыли двухъярусную могилу. Я похоронил их одну над другой. Могильщик спросил меня, которую класть сверху, я ответил, что все равно, но во время похоронной молитвы заметил, что старшая сестра Марьям лежит внизу. Может, она хотела, чтобы я лучше видел Махтаб. Спасибо тебе, сестра!

Не провел я и недельных поминок по покойницам, а уже успел устроить им выставку – анонимную. Имена их никого не касались. Через неделю новости о выставке взорвали город, словно бомба. А сейчас... Вылетело несколько окон. Осколок стекла, треугольный, впился в один из холстов. Не знаю, чья это была картина – Марьям или Махтаб, но о нее порезался тот молодой солдат. И его кровь пролилась на холст. Это не была кровь шахида, и я обвел это кровавое пятно ручкой и написал под ним: «Это не есть святая кровь»...

Потом в одном журнале, ныне почившем, я прочел две-три критические заметки об этой выставке. Не знаю, кто был автор. Если бы знал, то, как говаривал Карим, «я бы его вмиг опорочил». Вот что было написано:

«...Здесь абстракция доведена до предела. Все работы неизвестного художника – как обугленная душа, причем в прямом смысле. Неизвестный художник говорит нам своими полотнами: вот предел абстрактного. Модернистский дискурс становится чересчур натуралистичным. Словно что-то взорвалось, и само тело неизвестного художника смешалось с его произведениями. Сгоревшие ошметки, прилипшие к холстам, кажутся частицами тела влюбленного. Само мерило прекрасного вросло в картину. Учение об авторстве в современном переложении. Конец всех стилей.

...Разговор о самобытном даровании оставим в стороне – речь идет о том, чтобы неизвестный художник учел указанные недостатки в своих будущих работах. Косвенное указание художника на святость его работы выдает завышенную самооценку, не говоря уже о двусмысленности этой надписи, словно сделанной второпях, дрожащей рукой и неразборчивым почерком: «Это не святая кровь»...

...В любом случае следует выразить надежду на возможное общение с неизвестным художником. Живописец развивает два различных стилевых направления – оба они берут истоки в современном европейском искусстве. Возникает даже впечатление, что выставка представляет работы двух мастеров, хотя и тот и другой подписывается буквой «М»...

Не случайно, что в обеих заметках негативный взгляд на картины. Словно два человека?! Но тут нет «словно». «Неизвестный художник...» Отцы твои и деды неизвестны. А я сто раз просил их обеих не подписывать картины латинской буквой – вообще их не подписывать. Или в крайнем случае подписывать по-персидски. Чересчур натуралистично, видите ли! Ну и что из того? Если ракета ударит тебе в студию – ты не то что натуралистичным, ты сюрреалистичным станешь. «Кажутся частицами тела влюбленного...» Ну что ж, Али-ага, надень шапку

набекрень! На манер багдадского вора... «В своих будущих работах...» Я заплакал. От гнева разрыдался. Как жаль, что Карима не было! Мы вместе пошли бы на кладбище, сели бы возле могилы наших сестер и погоревали бы о них...

2. Я

Хадж-Фаттах в Россию теперь не ездил. Он передал эти дела своему сыну, отцу Али. А раньше, когда грузы еще перевозили верблюдами и мулами, Фаттах каждые два года ездил в Баку. Там закупал кусковой сахар, рафинад и сахар-песок – крупным оптом, по несколько караванов. Караваны его многим были известны. Искандер в те времена был у него мальчиком на посылках. Сахар и песок из Баку везли в Кербелу и Неджеф, однако значительную часть груза Фаттах оставлял на складах под Тегераном, в Верамине. А остальное – но секретно, так, чтобы об этом не знали, – вез в Кербелу и Неджеф. Иранские купцы обычно закупали сахар в Ираке – в Кербеле и Неджефе, а оттуда тот же сахар Фаттаха везли в Иран: в Шираз, Исфаган, Тегеран. Но Фаттах и со своих складов под Тегераном продавал сахар оптом со скидками. Купцы-покупатели и снабжали его средствами на покрытие расходов по доставке в Кербелу и Неджеф и по обратной доставке в Тегеран. Эти операции он хранил в строжайшей тайне и за пять-шесть поездок в Россию не только вернул вложенный капитал, но и удвоил, утроил его. Никто не знал, откуда он получает свой товар, в Тегеране его сахар был известен как «иракский рафинад и песок». Иракские торговцы тоже были в соглашении с Фаттахом и ни о чем не болтали.

Несколько раз он хотел спросить имама Сахарной мечети, есть ли какой-то грех в его действиях, но, сколько ни думал, не понимал, о чем тут можно спрашивать.

– ...Обмана в торговле нет, неправды я не говорю, арабы тоже никого не обманывают. По невежеству только обвинить могут...

Сам имам Сахарной мечети не раз надрывал глотку, вещая с минбара по-арабски:

– Аль-нас мусалятуна аля амвальхум¹³, – и добавлял: – Аль-агэль якфйя аль-эшара. – И тут же сам переводил последнюю фразу на персидский: – «Понимающему достаточно».

Наконец, уже во время седьмой поездки, Фаттах прибыл в Кербелу, отдохнул несколько дней, а потом увидел во сне светозарного сеида в белой длинной одежде и с зеленой накидкой на голове. Тот нахмурил свои густые брови и спросил Фаттаха: «...С чем прибыл ты, паломник, в страну наших предков?» – «Я не знаю за собой вины...» – «Баку, склад в Верамине, Кербела...»

В этот момент Искандер разбудил его для утреннего намаза. Вначале Фаттах как следует отчитал Искандера. Потом рассказал ему все, что запомнил из этого сна. Искандер, как побитый пес, слушал его с повышенным вниманием. В тот же день Фаттах забрал свой товар у продавца-араба и вернулся с ним в Тегеран, к удивлению всех партнеров.

Таким образом объяснилась тайна дешевизны Фаттаховых товаров. Впрочем, купцы-конкуренты объявили этот сон выдуманным, дескать, старик был уверен, что рано или поздно все выплывет наружу, потому и пустил в ход эту уловку. Другие, правда, говорили, что раз он уже решил свернуть свои дела, то больше не имело смысла хранить секрет.

С тех пор Фаттах отошел от дел, передав их в руки сына, отца Али. Через несколько лет он вновь увидел странный сон: опять тот же сияющий сеид в белой одежде и в зеленой накидке. Подошел к Фаттаху – на этот раз улыбаясь – и сказал: «Фаттах! У тебя верная рука. А теперь почувствуй, вот твоя польза и выгода...»

И тут он опять проснулся, хотя на этот раз никакого Искандера не было. Шум подняла Нани, его жена. В те времена Искандер и Нани жили на заднем дворе за домом Фаттаха. И она недавно родила в последний раз, родила Махтаб! Фаттах недоумевал: какое отношение может иметь к нему рождение Искандерова ребенка? Когда светозарный сеид сказал: «Вот твоя

¹³ Люди владеют товарами (арабск.).

польза и выгода», – он что, имел в виду эту маленькую чужую, сопливую девчонку? Какая тут польза или выгода?

* * *

Его разбудил громкий голос невестки. Дед сел и проворчал себе под нос:

– Не дадут после утреннего намаза вздремнуть...

Он поднялся и вышел на крыльцо. Развел широко руки, до хруста в костях.

Его невестка, мать Али, распекала сына:

– ...Не дергайся так! Сколько мне мучиться с тобой! Надень шапку и встань спокойно – я посмотрю, как ты выглядишь!

– Как обычно выгляжу. Пижонства этого не люблю.

– Это не пижонство, а пионерская форма. Ты пионер!

Марьям, одетая в платье бирюзового цвета, сказала Али:

– Если бы отказался быть пионером, никто ведь не заставил бы.

– Я не хотел, нас заставили.

Дедушка крикнул с крыльца:

– Брось их, Али! Для меня надень свою шапку.

Али с гримасой отвращения надел на голову форменную шапку. Мама поправила ленту шапки, разгладила складки на форме. На нем были синие шаровары и голубая рубашка. Под воротником на шее синий галстучек. И синяя шапочка. Мать оглядела его и сказала:

– Как идет-то тебе! Будто взрослый господин стал!

– Прямо уж.

– Нани вчера поздно, когда закончили с мясом, накрахмалила тебе все. Вон как все колом, стоит ровно!

Али кивнул. Потом посмотрел на деда и, словно мамы и Марьям вообще не было рядом, крикнул:

– Дед! Видишь, что вытворяют с человеком его собственная мать и сестра! Показуха одна.

– Это не показуха, это предписанная форма.

– Предписанная?! У нас в классе только меня заставили и этого окаянного Каджара. Ни Кариму не обязательно, ни остальным.

– Каких слов-то ты набрался, – заметила мать. – Не хватало еще, чтобы задорожные носили форму пионера. Им за учебу-то нечем платить, а форму для них нам покупать, что ли?

Раздался стук дверного молотка. Али со всех ног кинулся к дверям. При этом он не забыл схватить за ремень школьную сумку и потащил ее за собой по земле. Мать закричала в ужасе:

– Не спеши! В этой форме так не носят! Упадешь ведь... Не дождался, чтобы в первый день школы я его Кораном осенила... Кто это там постучал, что сыночек как безумный с места сорвался?

Дед хохотал на крыльце:

– Это задорожные, невестушка дорогая!

Марьям повязала белый платок, оправила свое бирюзовое платье, а потом, словно внезапно вспомнив что-то, побежала назад в комнату. Здесь огляделась, открыла дверь кладовки и вошла в нее. Десятка два сундуков стояли один на другом. Из одного сундука она достала маленькую деревянную шкатулку – в ней дед хранил все домашние деньги. Дети – Али и Марьям, – поступив в среднюю школу, получили право, не спрашивая разрешения, брать оттуда, как мама, отец и как сам дед, сколько им нужно. Дед никогда не вел счета деньгам в этой шкатулке. Время от времени ему сдавал деньги Мирза – конторщик с его кирпичного завода, и он приносил эти деньги домой и бросал в шкатулку. Он был убежден, что ореол богатства развеивается пересчетом денег. И вот Марьям запустила руку в шкатулку и прошептала:

– Для Дарьяни.

Она сунула смятую купюру и монеты в карман своего бирюзового платья – ассигнацию в пять новых риалов и семь-восемь почерневших серебряных монет. И выбежала из кладовой. Потом попросилась с мамой и бабушкой и пошла в школу.

Шла она со страхом. В конце прошлого учебного года директор школы «Иран» сказала ей, что со следующего года нужно ходить на уроки с непокрытой головой: «Косы заплетенные, белые ленты – руководству школы это безразлично. Будь ты даже первой ученицей. Все дети соблюдают это правило, из каких бы семей они ни были. Среди тех, кто ходит без платка, у нас есть даже дочь муллы. Или из семейства Каджаров. Вы ведь не считаете себя выше их? Помимо всего прочего, ваша семья не относится к некультурным или к задорожным. Твой отец, твой дед каждый год ездят в Россию, наблюдают прогресс жизни. С передовыми людьми общаются. Я и мать твою видела, она ни накидки не носит, ни хиджаба, ни габа. Ты сама как цветок расцвела. – Она рукой сдвинула назад платок Марьям. – Какой красавицей стала! Волосы твои, молодость твоя, красота – неужели сгниют под чадрой и прочими одежками?» – «Мы не из Каджаров и не из задорожных, – ответила Марьям, – но мы это новшество не одобряем. Мы из коренного тегеранского рода. Рода Фаттахов...» – «Вах-вах... Какое самомнение! Во всяком случае, ты знаешь, как обстоят дела: либо чадра, либо учеба!»

Теперь Марьям поплотнее натянула платок на лицо. Платок скрывал белую ленту, которой она заплела косу. Проходя мимо лавки Дарьяни, увидела, что перед прилавком стоят Али и Карим, а Дарьяни взвешивает им рахат-лукум. По красному лицу Дарьяни было заметно, что бреется он тупой бритвой. У Карима слюни так и текли изо рта. А Али, как увидел Марьям, выскочил из лавки и заявил ей:

– Твой кредит закрыт, но проблем нет. Отцовы деньги целы. У меня все-все-все в полном порядке.

– Кто это сказал, что мой кредит закрыт? Я у тебя не одалживалась.

Али притянул к себе голову Марьям и тихо сказал ей:

– А конфеты – помадки – кто ел? Причем в таком количестве! Сказать? Девочки девятого класса школы «Иран»! Ты думаешь, только ты одна сыщица?

Марьям словно что-то поняла в этот момент и, посмотрев на Али, сказала:

– Так-так. Но я покажу одному безусому турку, к чему приводит любопытство.

И она пошла дальше. Потом обернулась и добавила:

– Тебя за язык никто не тянул, болтун! Но ты сам усугубил свою вину.

– Я ни в чем не виноват! Это ты виновата по уши...

– Я?.. Что бы я ни делала, я для задорожных ничего не покупала, честь семьи не роняла!

Услышав приветствие Карима, Марьям замолчала. Поджав губы, она неохотно поздоровалась с ним и пошла в сторону своей школы. По дороге размышляла об этом закрытом кредите. А проходя мимо семерых слепцов, услышала от первого из них:

– Семи слепеньким на пропитание... Не будь жадной, сестрица!

Марьям остановилась. «Интересно, откуда слепой знает, что идет девушка, почему назвал меня сестрицей?» Посмотрев на него, увидела пустые глазницы и вздрогнула. Достала из кармана бирюзового платья несколько монет и, помянув Аллаха, дала их первому слепому. Он приложил монеты к своим закрытым векам, потом поцеловал их и дрожащим голосом воскликнул:

– Аллах да вознаградит тебя!

Марьям подождала, пока последний слепой переберется вперед. И отдала все свои почерневшие монеты. Глазами измерила расстояние: «Семь-восемь пядей! – И рассмеялась про себя: – Еще два-три дня, и Фаттахы избавят эту улицу от семерых слепых...»

Входя в школьный двор, она услышала, как зазвенел звонок. Девочки стояли рядами. На каждые десять – одна-две в платках. Девочки девятого класса, которых Марьям позавчера уго-

стила конфетами, расступились, освобождая ей место. В классе их было пятнадцать, и только Марьям и еще одна девочка в платках. В других классах над теми, кто в платках, подтрунивали:

- Тебе не жарко там, под одеялом?
- Ты там одна, кстати?
- Какие новости там у вас?
- Ты вообще нас слышишь или нет?

Одной девочке в платке начали растолковывать так, словно говорили с глухонемой, жестикулируя пальцами и чересчур сильно двигая губами:

- Как бы чу-жой не у-ви-дел! Будь ос-то-рож-на!

Марьям боялась, что ее тоже будут дразнить, но никто этого не делал. Разошлись по классам. Первым уроком был шариат. Эта учительница была единственной, кто носил головную накидку. Она произносила слова с такой четкостью, как будто выговаривала их по буквам. А когда делала замечание Марьям, даже удваивала буквы: «Ффаттахх! Не разговаривать!» Марьям становилось страшно уже от этих придыхательных звуков «госпожи Шариат». Следующим уроком шло пение. Учителем был армянин, которого девочки называли между собой «месье Вартан». Под аккордеон он трижды исполнил песню «Порядочные добрые девчата», класс пел вместе с ним хором. Это был пожилой, хорошо одетый учитель. Свои седые волосы он смазывал маслом, а голова его казалась наполовину втянутой в плечи, словно у черепахи в панцирь. Он пел с большим воодушевлением, исполняя песни густым басом. Когда требовалось изменение мелодии или ритма, он подпрыгивал буквально всем телом, чем очень смущал девочек, зато они входили во вкус пения. Уроки были веселыми. А иногда девочки брали над ним верх и начинали изводить его, хоть он старался скрыть свою досаду. Марьям иногда вставала и обращалась к нему: «Разрешите, госпожа учительница... Ой, простите! Господин учитель...» Весь класс от этого разражался хохотом...

Перед последним уроком в класс вошла директриса и сделала окончательное предупреждение: чтобы в школе платков не носили. Затем она позвала с собой Марьям. Девушка из всех сил скрывала страх. Хмурила свои сросшиеся брови и готовилась дать решительный отпор директрисе. Голову держала высоко и не опускала взгляда.

– Марьям-джан! Следующий урок у вас – рисование. Ты в свой класс не иди. С разрешения госпожи учительницы рисования ты пойдешь в первый класс, будешь вести там урок рисования.

У Марьям отлегло от сердца. Молвив «слушаюсь», она отправилась к первоклашкам.

* * *

Карим и Али вместе шли в школу, где они учились, школу им. Низами. Карим нес пакет с рахат-лукумом и иногда протягивал его Али.

– Угощайся-угощайся. Ты имеешь полное право, дуралей... Отец твой оплатил.

При этих словах Али охватывал смех. Дед постоянно давал Дарьяни определенную сумму денег: половина была долей Али, половина – Марьям. Семья Фаттахов считала неправильным, чтобы их дети, подобно детям из семей попроще, сами рассчитывались в лавках. Али и Марьям имели возможность без денег брать в лавке Дарьяни любимые ими сладости, причем не те дешевые, которые покупали слуги. У Марьям, кроме Дарьяни, был кредит в галантерейной лавке Ислами и еще в нескольких магазинах.

Пока дошли до школы, Карим съел весь рахат-лукум. У ворот Али сказал ему:

- Поскольку ты разделался с этим пакетом, будь добр, выброси его.
- Нет... Подожди. Я хочу этому окаянному Каджару штаны поджечь.

Они вместе встали в строй, и оба в последний ряд. Карим был значительно выше других, его голова на тощей шее высилась над головами ребят, словно знамя на древке. А знамя дер-

жал в руках один из пионеров. И вся школа пела хором гимн «О, Иран!». Али, поскольку он опоздал, стоял не на своем месте, впереди, а сзади, позади Карима. Шапку с лентой он снял и слегка согнул колени, так, чтобы его не видели, но инспектор-распорядитель школы в конце концов заметил его. Со своими закрученными вверх усами, в шапке-«пехлевийке», инспектор подошел к нему и дал два-три удара указкой по рукам, а после окончания гимна сделал Али выговор:

– Али Фаттах! Почему прячешься, шалопаи? Почему не вышел в первый ряд? Ты должен стоять рядом с Каджаром!

– Простите, господин. Мы опоздали к началу гимна.

Карим, не глядя на инспектора, произнес:

– Рядом с Каджаром уже нет места. По объему он равняется двум слонам.

Мальчики грохнули смехом. Даже сам инспектор улыбнулся. Карим спокойно и небрежно держал в руках пакет из-под рахат-лукума. Каджар не мог шевельнуть своей толстой шеей и потому повернулся к Кариму всем телом. И угрожающе двинулся в его сторону.

– Сейчас я тебе разъясню, Карим-заморыш, какой я слон!

Инспектор схватил Каджара за плечи и поставил в строй. Затем он приказал мальчикам по одному заходить в класс, но Али и Карима вывел из строя.

– Вы уже в первый день начали? Напрашиваетесь на порку?

Каджар из-за спины инспектора соорудил рожу Кариму и Али, а потом, словно немой, беззвучно произнес одними губами:

– Так вам и надо!

Инспектор приказал Кариму выставить ладони. Али стоял рядом и тоже выставил руки. Инспектор размахнулся указкой и трижды сильно ударил по рукам Карима. Вообще-то больно не было, только немного горели ладони. Достаточно было полминуты подержать руки в прохладной воде бассейна, и все проходило. Карим, однако, быстро открывал и закрывал рот, может быть, надеясь таким способом уменьшить боль. Но впечатление было такое, точно он ругает кого-то. Инспектор, заметив это, прикрикнул:

– Задорожный!

На глаза Карима навернулись слезы, но он не заплакал. Али стоял опустив голову и смотрел на свои голени. Потом он закрыл глаза и постарался задержать дыхание. Он ожидал страшного удара... Но инспектор обнял Али за плечи и встряхнул его. Потом указал на его темно-синие брюки и шапку с лентой и сказал:

– До сих пор еще пионера никто не наказывал, особенно если он из рода Фаттахов.

Али открыл глаза, посмотрел на Карима, а тот не выдержал и разрыдался. Он плакал как ребенок, и Али обнял его и подвел к бассейну.

– Я этого окаянного Каджара ославлю! – пригрозил Карим.

– Очень больно?

– Так ославлю, что об этом в книгах напишут.

– Жжет? Сильно?

Карим пробубнил что-то едва слышно. Затем погрузил руки в воду школьного бассейна, и Али услышал отчетливое шипение. Такое бывает, когда на лунное лицо раскаленной сковороды брызнут водой.

Вместе они вернулись в здание школы со свежепокрашенными стенами. Карим растирал руки.

– Хочу так войти в класс, чтобы этот подлец Каджар не догадался, что нас били по рукам... Точнее, меня били.

Когда они вошли, Али начал растирать себе руки и дуть на них, словно унимая боль. Карим удивленно посмотрел на него: «Али не били, зачем он притворяется?» Они оба прошли в конец класса и сели за последнюю парту. Парты были рассчитаны на трех человек, и третьим

с ними сидел Моджтаба. Он был немногословен, но очень эрудирован. О нем почти ничего не знали; называли его все Моджтаба Сефевы. Он спокойно осмотрел руки Али, затем руки Карима. И сказал Кариму:

– Ты больше получил!

Каджар, сидящий на второй парте, повернулся и произнес своим басовитым голосом:

– Карим-вонючка! Ты больше получил или пионер?

Карим молчал.

– Пришел в себя, нет? – продолжал Каджар. Видя, что Карим не отвечает, он ухмыльнулся и обратился к Али: – Это чтоб ты понял, что пионер не может дружить с задорожным.

Али вспомнил слова деда: «Дружба адреса не знает!», но ничего не сказал Каджару. А тот бахвалился перед классом:

– Чтобы больше не делали таких ошибок. Особенно Карим – Карим-задорожный. Сунул мне пакет из-под лукума прямо в лицо. А лукум-то наверняка куплен на деньги Фаттахов, да если бы еще сами Фаттахи имели настоящие корни и происхождение...

Тут заговорил Али:

– Это у нас нет корней и происхождения?! Ах ты, Каджар окаянный! А у тебя что за происхождение? От дедов-дармоедов и принцев-вырожденцев?

– Иди спроси у своего дедушки Хадж-Фаттаха, кто такие Каджары¹⁴. Спроси, когда он ездил в Россию, что он слышал от русских насчет наших предков – Аббаса-мирзы и других! – Тут Каджар, ухмыльнувшись, добавил: – Конечно, у Хадж-Фаттаха не было времени на такие разговоры. Он был озабочен тем, как бы втоухать иранским купцам сахар из Баку!

– Ты своим грязным языком не трогай имя моего деда!

– И ты не затрагивай наше происхождение. Знатность Каджаров известна повсюду!

Моджтаба что-то шепнул Али, и Али сказал громко:

– Ну да, повсюду, особенно на кухне шахини-матери!

Каджар вполголоса выругался по адресу Моджтабы и замолчал. Создавалось такое впечатление, будто на него вылили ведро холодной воды. Али и Карима это поразило. Они поглядели на повесившего голову Каджара, потом начали расспрашивать Моджтабу. Что он имел в виду, говоря о «кухне шахини-матери»? Тот провел рукой по худому лицу и объяснил:

– Шахиня-мать – это мать Насреддин-шаха, она на старости лет влюбилась – и не в кого-нибудь, а в дворцового повара. Ничего не могли с этим поделать. Очень сильно влюбилась. Но все-таки невозможно было официально прочесть хутбу¹⁵ и заключить брак, и тогда они тайно... – Он подмигнул и потер пальцами одной руки о другую. – Конечно, Каджары не имели ни стыда, ни чести и занимались многими грязными делами. Это и был как раз подвиг из такой серии.

Карим, рассмеявшись, сказал:

– Bravo, Моджтаба! Да не оскудеет рука твоя. Ты как полным блюдом мяса угостил меня. Каджару рот заткнул. Ведь ты знаешь, когда кто-то за спиной Хадж-Фаттаха ругает его, он словно меня оскорбляет. Моджтаба! Ты ведь не чужой, все, что мы имеем, это от них.

Али, однако, словно бы ничего не понимал и смотрел на Карима и Моджтабу растерянно:

– А до меня не дошло. В чем тут дело?

Карим, рассмеявшись, пояснил Моджтабе:

– Али еще мальчик, этого не знает... – Потом повернулся к Али: – Шахиня-мать стала женой своего повара... Муж и жена... Но неофициально... Понимаешь?

¹⁴ Каджары – династия, правившая Ираном с 1795 по 1925 год. Основана Ага-Мохаммад-ханом Каджаром, предводителем тюркского племени каджаров, который объединил Иран и утвердил Тегеран в качестве новой столицы. Наиболее заметными из каджарских правителей были Фетх Али-шах (1771–1834), шахиншах с 1797 года, Насреддин-шах (1831–1896), шахиншах с 1848 года. Каджары были свергнуты в 1925 году Резой Пехлеви.

¹⁵ Хутба – у мусульман: проповедь.

Али отрицательно помотал головой и погрузился в раздумья. Потом он открыл тетрадку и на первой странице своим четким почерком вывел: «Дружба адреса не знает».

* * *

В класс вошел инспектор. Он провел пальцами по своим закрученным вверх усам, потом указал на последнюю парту, где Али, не поднимая головы, писал в тетрадке.

– Моджтаба Сефев и Карим! Встаньте, чтобы Али мог выйти вперед.

Инспектор вывел Али вперед и указал ему на свободное место за партой рядом с Каджаром.

– Али, с сегодняшнего дня ты будешь сидеть здесь, впереди, рядом с Каджаром. Пионер с пионером. А другие – с другими. Одинаковые особи летают вместе: «голубь с голубем, сокол с соколом».

Али с чувством отвращения сел рядом с Каджаром. Тот подвинул свое тучное тело, чтобы Али уместился возле него. Потом Али повернулся назад, нашел глазами Карима, указал на Каджара и состроил гримасу сожаления. Инспектор вновь провел пальцами по усам и добавил:

– Али, с сегодняшнего дня твое место здесь. С Каримом садиться ты не имеешь права. Так семья твоя потребовала.

– Моя семья? А кто именно?

Инспектор подумал немного:

– Твой отец.

Когда инспектор вышел из класса, Али обернулся и сказал Кариму:

– Не вышло! Господин инспектор хотел двух зайцев сразу убить, да вот не получилось. – И Али добавил, обращаясь ко всему классу: – Отец еще не вернулся из России... А он говорит – «твой отец».

Карим, рассмеявшись, предположил:

– Может, твой отец из России передал радиограмму на антенны усов господина инспектора!

В классе рассмеялись. Каджар ничего не сказал. Он вглядывался в лицо Али, на его сросшиеся брови. Потом опустил голову и смотрел на синие брюки. Хотел начать разговор, но не получалось.

– Али... Слушай, Али!

– Что?

– Да ничего.

– Так и не повторяй «Али, Али».

Каджар замолчал и погрузился в чтение книги.

* * *

Марьям вошла на урок в первый класс. Все девочки встали в ожидании от нее слова «садитесь». Она уже не первый раз замещала учительницу, но все равно было страшно. «Первый класс и первый день школы. Что я им скажу? Они ничего не знают еще о рисовании...» И она медлила. Смотрела на девочек. Все в темно-синих платьицах и без платков. У большинства волосы собраны в «конские хвостики».

– Садитесь! – сказала она.

Девочки с шумом сели на места. А Марьям заняла стол учительницы. Она вспомнила, как начинала занятия учительница шариата, прежде всего спрашивая имена девочек. Потом выясняла профессию отца и место жительства. И Марьям начала с первой парты. Стараясь

подражать манерам пожилой учительницы, она откашлялась и строгим голосом обратилась к девочке на первой парте:

– Девочка моя! Встань и громко объяви свое имя и фамилию. Потом скажи, кем работает твой отец и где вы живете.

Крохотная девочка поднялась с места. Растерянно оглянулась: ее явно напугало то, что ее выбрали первой. Она едва взглянула на молодую учительницу – Марьям, молвила:

– Зинат...

И заплакала, громко-громко. Марьям испугалась. Подошла к девочке и приподняла пальцами ее подбородок. А та рыдала вовсю, и невозможно было ее успокоить. Еще две или три ученицы начали плакать. Марьям запаниковала. Она стала бегать по всему классу, пытаясь успокоить детей. Но девочки первого класса словно все свои слезы сберегли специально для нее – для урока рисования. Несчастливая и растерянная, Марьям в конце концов заплакала сама. Плакал весь класс – кроме одной девочки. Эта девочка вдруг подняла руку, желая что-то сказать. Красивая и живая, с губами как набухший цветочный бутон, с длинными каштановыми волосами, ниспадающими, словно водопад. Волосы не были заплетены или собраны, а лицо ее казалось знакомым. Марьям разрешила ей встать.

– Госпожа! Может быть, вы первая скажете нам, как вас зовут?

Марьям задумалась: девочка была права. «Этой сообразительной живой умнице всего семь лет?» Марьям сильно постучала рукой по столу, как это делала учительница шариата. Потом улыбнулась и по-доброму – уже не так, как госпожа Шариат – сказала:

– Девочки! Меня зовут Марьям Фаттах. Я внучка Хадж-Фаттаха, кирпичника. А отец мой – купец. Наш дом в конце переулка Сахарной мечети. Я сейчас проведу у вас урок рисования. Вот и все! Вы так же коротко расскажите о себе.

И Марьям опять попросила представиться ту, на первой парте. Худышка уже не плакала. Всхлипывая, она сказала:

– Я – Зинат Джавахири. Я знаю вас, Марьям-ханум! Наш дом немного в стороне от вашего. Вы не помните, как с мамой приходили в лавку моего папы – Джавахири?

– ... Разрешите? Мой папа работает в караван-сараяе вашего отца...

– Разрешите? Мы ваши соседи. Вы меня знаете. Я младшая дочь Аги-мирзы Ибрагима.

– Разрешите? Мой папа работает на вашем кирпичном заводе формовщиком. Помните, как мы в праздник приходили к вам домой? Ваш дедушка подарил нам праздничную монету – кран¹⁶.

– Моя фамилия Дарьяни. Мой отец Дарьяни вчера сказал мне, что вы всем девочкам купили конфет помадок!

Марьям внимательно посмотрела на нее. Досада на Дарьяни кольнула ее: как бы его проучить? «Больше не буду покупать у них... Нет... Тогда станет известно, что для меня кредит закрыт... Сказать Искандеру и Нани, чтобы не покупали?.. Нет... Узнает мама, и я стану козлом отпущения. Он ничего мне особенного не сказал. Он сказал Али, а не чужому...» Она пришла в себя. Девочки продолжали представляться, и вот очередь дошла до той смышенной, с длинными каштановыми волосами, похожими на водопад. Она встала. Марьям, как ни напрягала память, не могла вспомнить, где же видела ее. Девочка раскрыла бутончик губ, и аромат ее улыбки наполнил весь класс. Затем милым голоском она произнесла:

– Я Махтаб, дочь Ис... дочь дяди Искандера и Нани. Мы живем...

Марьям остановила ее. Не хотела, чтобы перед всеми говорила, где они живут, хотя самой Махтаб это было, судя по всему, безразлично. Она удивилась, что ее прервали, а Марьям подошла к ней и прижала ее голову к своей груди:

– Красавице нашей семь лет исполнилось? Какая же ты хорошенькая стала...

¹⁶ Кран – иранская монета, равная одному риалу.

Махтаб засмеялась, а Марьям все еще оставалась под впечатлением от ее красоты. Опять обняла ее. Одна из девочек, сидящих впереди негромко сказала:

– Ханум хочет ее молочком покормить!

Наконец Марьям начала урок. Махтаб она посадила за учительский стол и девочкам дала задание нарисовать свою одноклассницу. И сама начала это делать. Но вскоре Махтаб спросила ее:

– Простите, Марьям-ханум, а мне что делать?

Марьям улыбнулась смущенно. И немного подумав, дала ей задание нарисовать учительницу.

– Простите, какую учительницу?

– Ясно какую – твою учительницу рисования. Меня, Марьям Фаттах!

Махтаб рассмеялась и принялась за работу. Не прошло и нескольких минут, как все девочки начали одалживать друг у друга коричневый карандаш, чтобы передать длинные волосы Махтаб. А та посматривала на Марьям. Она не могла понять: почему соединенные дуги бровей Марьям так напоминают брови ее брата, Али? Ведь девочке было всего семь лет...

И вот Махтаб уже поднимает руку со словами, что ее рисунок готов. Марьям внимательно его рассмотрела. Соединенные брови, которые она каждый день видит в зеркале. Красные губы и щеки, но волосы очень короткие, как у мальчика. Марьям погладила каштановые волосы Махтаб и спросила:

– А где же мои волосы? У меня они длинные. Хочешь, я платок сниму?

– Нет-нет, не надо! А разве так у меня плохо получилось?

Марьям еще раз всмотрелась в рисунок. Мальчишеская стрижка, красные губы и щеки, соединенные дуги бровей. Улыбнувшись, сказала сама себе: «Больше похоже на Али». Махтаб рассмеялась – и аромат ее улыбки наполнил класс.

– Разве плохо?

Марьям не могла отвести взгляд от рисунка. А ведь девочке было всего семь лет!

* * *

Прозвенел звонок, и Марьям рассталась с первоклассницами. Вначале она шла твердым шагом, как учительница шарията. Но потом вспомнила, что она не учительница, и побежала вприпрыжку, как все школьницы, по направлению к своему девятому классу. И вот они видят ее, запыхавшуюся.

– Что случилось, госпожа учительница?! Успокойся ты, что с тобой?.. У нас был урок художественного ремесла, а ты как провела время? Госпожа учительница, дети не изводили вас?

Марьям отдышалась:

– Девочки! Сегодня я опять вас угощаю! Все что хотите, без ограничений.

– Ты ведь вчера уже нас помадками угощала! А сегодня что? Вчера говорила, что в честь начала учебного года, а сегодня в честь чего?

– Просто так. Разве я обязательно должна угощать в честь чего-то?

С этим никто не стал спорить. Некоторые девочки, извинившись, попрощались, но десять-двенадцать приняли ее приглашение. Они шли гурьбой, шептались между собой и хихикали:

– Она ведь внучка Хадж-Фаттаха, обязательно должна всех угостить...

– По чести и почет...

– Марьям! А ведь ты, похоже, с турком Дарьяни договор заключила? А может, влюбилась в него?

Под взрыв смеха Марьям ответила:

– Так-так! Во-первых, на улице ведем себя прилично и не кричим. Во-вторых, мы идем не к турку Дарьяни, а к бакалейщику на рынке покупать жвачку.

– Но у Дарьяни тоже есть жвачка!

– А все-таки купим у бакалейщика... Но при одном условии.

– При каком?

– Никто не начинает жевать, пока я не скажу.

Девочки согласились. И вот они столпились перед лавкой бакалейщика, крайней в крытом рынке. Бакалейщик сидел за своим высоким прилавком и громко переключался с другими лавочниками – напротив него находилась мясная лавка Мусы. Марьям попросила всю жвачку, какая была в большой стеклянной банке. Это поразило бакалейщика, он громко воскликнул:

– Клянусь Аллахом, первый раз такое со мной!

Он взял было в руки банку, но, остановившись, громко потребовал:

– Сначала деньги, пожалуйста!

Но его осадил Муса-мясник, который в это время грузил на мула тушу бычка.

– Хаджи! Да отсохнет у тебя язык! Зачем про деньги говоришь?

– А что, может, ты мне компенсируешь, Муса-мясник? Или умеешь только болтать?

– Ай, Аллах, спаси тебя! Говорю, прикуси язык! Что значат деньги? Это же старшая наследница из рода Фаттахов...

Бакалейщик так и подпрыгнул на месте и всю банку со жвачкой вручил Марьям:

– Девочка моя! Бери прямо с банкой, так лучше будет.

– А сколько это стоит? Пожалуйста, стоимость банки тоже включите.

– Да вы не беспокойтесь... У отца получу...

Марьям достала из кармана ассигнацию в пять новых риалов и положила ее на прилавок.

– Это слишком много... Бакалейщик удивился. Он едва-едва набрал сдачи.

– Передавайте наш почтительный привет... Будьте здоровы... на здоровье! Счастья вам!

Он проводил девочек до конца рынка. Муса-мясник тоже опустил голову, так, чтобы попрощаться с Марьям, не встречаясь с ней глазами. Девочки взяли из рук Марьям банку, однако она не разрешила ее открывать. Дошли до Сахарной мечети.

– Прямо напротив лавки турка Дарьяни разделим все. Не спрашивайте почему, тут слишком длинная история...

Марьям еще говорила, а девочки уже замолчали. Всех заставил прикусить язык возглас дервиша Мустафы «О, Али-заступник!». Завидев его бороду, белую одежду и серебряную чашку для подаяния, девочки отошли, чтобы пропустить его, однако и он остановился. Сплюнул в арык, откашлялся и сказал словно себе самому:

– О юность! Сердце коль разбито, говоришь тогда: голову разбей мне, сердце же не тронь!

Девочки засмеялись, и Марьям тоже. Мустафа-дервиш поднял на нее свой топорик, она испугалась и попятилась. А он опять откашлялся:

– О юность! Чепуху кто говорит – сердце у того горит. Нет... Наверняка тут много страданий. О, Али-заступник!

Девочки шептались:

– Не случайно его зовут сумасшедшим дервишем!

Они свернули в переулок Сахарной мечети и все собрались вокруг Марьям. А та остановилась точно напротив лавки Дарьяни и открыла банку со жвачками. И высоко подняла ее, так чтобы Дарьяни увидел.

И Дарьяни увидел, как она открыла крышку и разделила лакомство между девочками – каждой досталось по жвачке. Полная банка стала пустой. Он видел, как девочки по одной прощались с Марьям и уходили, и, не выдержав, спросил ее:

– Марьям-ханум! Да не оскудеет рука твоя! – Он хлопнул рукой об руку. – Но ведь и у нас все это было! Жвачки было много... Забыли вы разве? Или обиделись на нас?

Марьям насмешливо ответила ему:

– Но ведь у меня кредит кончился. Не хотела вас обременять!

– Кто это вам сказал? Какой вообще кредит, не понимаю! У вас нет ограничений, меня дедушка ваш опекает, отец опекает... Какие деньги вообще, какой кредит!

Приветствие Али заставило его замолчать. Вместе с Али были Карим и Махтаб – этот водопад каштановых волос, падающих отвесно. Марьям отдала Махтаб свою жвачку. Та открыла бутончик губ, благодарность ее пахла жасмином:

– Большое спасибо, госпожа учительница!

– Госпожа учительница, – спросил Али, – а как насчет меня и Карима?

– Это был девичник. Парни не приглашались!

Али уставился на банку:

– Что это такое вообще?

– Я же говорю, девичник был. Но теперь ее надо уничтожить, чтобы мама шум не подняла.

Карим со смехом взял у нее банку:

– Я уничтожу, Марьям-ханум!

Махтаб и Карим попрощались с Али и Марьям и отправились к себе. Али с Марьям тоже пошли к дому, а Дарьяни долго смотрел им вслед. Потом вздохнул и вернулся в лавку.

2. Она

Название главы «2. Она» означает опять-таки «2. Я». Во-первых, я не могу раздвоиться. Во-вторых... но тут нет во-вторых. Просто я не из тех, кто может изображать, будто что-то сделал. Я таким человеком не был и не являюсь. И все ребята нашего квартала знают это. Я готов признать, что ложь есть почти везде. Дружба... в ней тоже много лжи. Вера и религия... В ней также много лжи. В этом повествовании, которое я пишу, также есть своя ложь. Женщины... Некоторые из них лживы. Конечно, этого у нас нет. Как говорил тот же Дарьяни (да помилует его Аллах), когда к нему мама с Нани приходили за покупками: «Почему же вру? Действительно, того количества, которое вам нужно, у нас нет! Мне стыдно, но это так. Сейчас нет, однако в конце недели потрудитесь заглянуть ко мне, инша Аллах, доставим с рынка! Милость Аллаха все одолеет!»

Я говорю о лжи. Всевышний не сотворил ничего такого, куда не могла бы проникнуть ложь. Не то чтобы совсем не сотворил, но... сотворил в небольшом количестве. Например, слезы. Я видел много слез – от плача младенца до оплакивания покойника. Все слезы разные, но в одном отношении они одинаковы: в них нет лжи. Не будет человек лживо плакать. Это относится и к младенцам, и к взрослым. Верно, что плач разный, но он не лживый. Например, говорят «он сказал неправду», но не говорят: он плачет фальшиво. Я рассуждаю слишком заумно? Можно и по-простому. «Скушать» значит «скушать», а «неправда» значит «неправда». Можно сказать неправду, но нельзя скушать... невзправду. В общем, неправда неизбежна – в речи, в языке.

Я говорил о слезах. Я видел много слез. Слезы младенца... Это уже говорил? Точно?! Но сейчас немного о другом, о том, что плач новорожденного не имеет, так сказать, цвета и запаха. Он как еще не сваренная еда. Например, сложите рядом сырое мясо, рис, картофель и скажите, что это тушеное мясо. Дескать, тут уже присутствует и густой запах мяса, и упругость риса, и мягкость картошки... Нет, это неправда. А вот если вы все это сложите в котелок или кастрюлю, да поставите на огонь, да еще на крышку кастрюли бросите немного угляй, чтобы лучше варилось и картофель подрумянится, станет шафранно-желтым... Вот это будет тушеное мясо с овощами... Я сказал «мясо» или я сказал «слеза»? В общем, сейчас я говорил о мясе на поминках по имаму Хусейну... Теперь возьмем плач человека на траурном собрании Ашуры¹⁷. Огни потушены, и никто тебя не видит, и словно бы кто-то сжимает твое сердце, и слезы текут. Этот плач уже имеет свой цвет и запах, свой вкус, как готовое тушеное мясо. Разница между плачем младенца и плачем взрослого на траурном собрании – это примерно та же разница, что между сырым мясом и тушеным.

Итак, тушеное мясо... В тот день, когда мы с Марьям вернулись из школы, нас ждало приготовленное мамой тушеное мясо. Мне его вкус не очень понравился, и я заупрямился его есть, заявив маме:

– Такое мясо подают на поминках. А что, у нас кто-то умер?

Мама рассмеялась:

– Семь Коранов да отодвинут прочь! Прикусил бы лучше язык... Не приведи Аллах... И не придирайся! Наелся чего-то на улице! Не хочешь – не ешь!

Но капризность моя все нарастала – не знаю почему. И деда дома не было, чтобы унять меня. Я взял тарелку с мясом и выскочил из комнаты. А выйдя, увидел Нани, которая сидела возле двери и кушала с подноса. Встретившись со мной глазами, она торопливо проглотила непережеванную пищу:

¹⁷ Ашура – день, когда отмечают годовщину гибели шиитского имама Хусейна, десятый день мусульманского лунного месяца мохаррам.

– Разрази меня гром! Неужто волос в еде? Но, Аллах свидетель, я знаю ваш нрав, я всегда только в косынке готовлю...

Ничего не ответив ей, я вышел на середину двора, запрыгнул на бортик бассейна, а тарелку с тушеным мясом водрузил себе на голову. Началось мое представление. Вышедшим на крыльцо матери и Марьям я объявил:

– Сейчас я пойду в переулок Сахарной мечети и всем и каждому объявлю: «О, почтенные соседи! Матушка моя, когда отец уехал в Баку, объявила траур и каждый день готовит тушеное мясо, как на поминки». Я объявлю адвокату, поверенному нашему, и деду, что матушке надо дать «развод в отсутствие»... «О люди добрые! Помогите нам! Отец в Баку, а у нас по нему траур и еда, как на поминках... Отец в Баку – поминки и траур, поминки и траур, поминки и траур...»

Я бегал вокруг бассейна и все кричал эти слова. А матушка, продолжая смеяться, хмурилась:

– Дуралей! Ты в бассейн упадешь, не глупи! Дай Бог тебе упасть в воду Евфрата! Не позорь ты нас, дед с завода вернется, вот увидишь, накажет тебя...

В конце концов представление мне надоело, и я вышел на улицу. Такой я с самого детства был. Да и до сих пор такой же. А после смеха и дурачеств наступает тоска, слезы подступают...

...Я сказал «после смеха» или «после мяса»? Я сказал, слезы... В общем, мне стало тоскливо. Я вышел на улицу, закрыл за собой деревянную дверь. Не знал еще, куда пойду, может, хотел просто погулять в первый день осени. И на земле увидел банку из-под жвачки. Наверняка это Махтаб не разрешила Кариму унести ее с собой. Сказала ему своим глухим голосом: «Вах-вах! Мы что, городской мусор собираем? Брось сейчас же!»

Я поднял банку, и хотел идти дальше, но увидел Дарьяни в его лавке. Позади мешков с рисом и чечевицей он скорчился как нашкодивший кот. Что-то странное было в том, как он держался.

– Здравствуйте, господин Дарьяни!

Он не ответил. Поставил локти на прилавок и обхватил голову руками. Я думал, он не слышит, и еще раз обратился к нему:

– У вас все в порядке, господин Дарьяни?

Он поднял голову. Под глазами его блестела сырость. И дорожки от слез вели по щетинистым щекам вниз, к красной шее. Он указал на банку в моих руках и спросил:

– Али-ага, вы не знаете, в чем дело? Зачем меня так обижать? Разве я чем-то обидел её? Разорять-то зачем? Что я не так сказал? Обидели меня, Аллах свидетель... – Он не договорил. И вздохнул глубоко-глубоко.

Вздох Дарьяни тронул меня. Этот вздох касался всех нас – он был вызван поступком Марьям. Может, вы скажете, что эти мои слова не связаны между собой. Но ведь мне, Али, внуку Хадж-Фаттаха, незачем вам лгать. Я описываю события и сущности. И я услышал и почувствовал это «ах» Дарьяни – с тюркским акцентом. Его вздох медленно и величественно покинул его лавку и наполнил собой все. Заполнил все пространство, как вязкая жидкость, как смола... Или нет, точнее скажу: его вздох, словно мед, потек по склону к деревянной двери дома Хадж-Фаттаха. Он проник внутрь. Словно турецкий акцент, без приветствий и извинений, он заполнил комнаты, и коридоры, и все-все-все. Проник в ту комнату, где мама и Марьям обедали. Накрыл собой туркменские подушки, и вышитые золотом покрывала, и кашанские¹⁸ ковры. Еще у нас был грубый ковер с длинным мохнатым ворсом возле порога, на нем Нани ела. Вздох Дарьяни этот ковер обошел. Не коснулся он и картины Марьям, может, потому, что на ней еще краска не высохла! За исключением этих двух предметов, его вздох охватил весь дом. Я пребывал в растерянности. Дарьяни дрожащим голосом сказал мне:

¹⁸ Кашан – город в Иране, в провинции Исфahan.

– Али-джан! Обида йок. Обиды нету. А вы чего беспокоитесь? Ведь ничего не произошло...

Я хотел сказать ему, что это у вас ничего не изменилось с недавних пор. А у нас старьевщики делят имущество, словно гиены. По большей части все ушло старьевщикам. Все забрали, кроме того самого грубого ковра, потому что на нем Нани ест. Я увидел труп моего отца без одного пальца, и труп матери, и труп деда. И я разрыдался. Я вышел из его лавки. Я шел, и плакал, и рассказывал всем о том, что видел. Я сказал Марьям, что это ее вина, это она ранила душу Дарьяни, но она ответила:

– Ты сам стал как сыщик и провокатор!

Марьям не поверила мне. Глаза ее... Теперь глаза ее открыты и с того света всё видят.

Я тоже часто вздыхал... Ах... В пять часов у меня свидание... 1954 год. Каждый день в этом году, в пять вечера, я встречался со своей старшей сестрой Марьям и с Махтаб. У Марьям до половины пятого были занятия в Колледже искусств рядом с Лувром. Преподавала она или училась – я, признаться, не помню. Главное, что она была занята. А по ночам, засыпая в своей комнате на двоих в пансионе, они видели во сне рынок Ислами и улицу Хани-абад. Я снимал комнату на другом конце Парижа, один-одинешенек. И по три раза на дню, словно турист – охотник за впечатлениями, я осматривал Эйфелеву башню. Поднимался по лестнице номер два на второй этаж, так как к лифту была очередь. Второй этаж находился на высоте четырехэтажного жилого дома. Париж ведь, что вы хотите, европейцы... Рука моя касалась стальной опоры – первой в ряду таких опор. Очень толстая – не обхватить. И холодная. Рука от нее немела. Словно весь холод Эйфелевой башни через эту опору медленно перетекал в мое тело... Вот так я навещал Эйфелеву башню! Перво-наперво я касался рукой этой стальной опоры и чувствовал ее низкую температуру. А может, опору знобило? Однако озноб означает жар. Я пытался нащупать ее пульс. Если кто-то нащупает пульс Эйфелевой башни, он ощутит пульс Парижа, а тот, кто почувствует пульс Парижа, ощутит пульс Франции. Тот же, кто почувствует пульс Франции, ощутит пульс Европы, а тот, кто почувствует пульс Европы... Впрочем, какое отношение это имеет ко мне? Я не смог почувствовать пульс Эйфелевой башни. Где та артерия, на которую нужно положить палец? У нее не было артерий! Но если у Эйфелевой башни нет артерий, это значит, что у Парижа нет артерий, а если у Парижа нет артерий, то у Европы... Впрочем, нельзя сказать, чтобы совсем не было артерий. Пульс все-таки можно было нащупать.

И я измерял ее пульс. Я понимал, что для этого нужно ее пощекотать. Все влюбленные, наверное, одинаковы, и для того, чтобы узнать, где находится его девушка, влюбленный должен обнять стальную колонну. Так я и делал. Впрочем, я прекрасно знал, где она, объект моей любви, и все-таки ее отыскивал, как пропавшую. Вначале я называл несколько ложных мест. «Берлин?» Опора молчала. «Лондон?» Молчание. «Рим?» Молчание. «Вашингтон и Нью-Йорк?» Молчание. Говорил сам себе: загоню ее чуть подальше. «Токио?» Она засмеялась. Тогда я спросил: «Мекка?» Верь не верь, но послышался звук «брень!», глухое металлическое бречание. «Мешхед?» Более горловой, надсаженный звук «бр-рень»... Я не выдержал: «Тегеран?» Звук усилился: «брень! брень!» Это бился ее пульс. Я вошел во вкус. «Ты идешь с бывшей площади Казней?» Звук стал громче. «С улицы Хани-абад?» Еще громче. «Брень! Брень!» Я прирос ухом к стальной опоре. «Напротив Сахарной мечети, задорожные, Махтаб?» Совсем громко загудела. Точно она, Махтаб, стояла рядом со мной, на стальном полу второго этажа Эйфелевой башни, рядом с этой гудящей колонной. И вдруг все стихло. Ко мне подошел охранник второго этажа в своей темно-синей форме. Точно это был наш полицейский Эззати, из квартала Сахарной мечети. Но если Эззати заставлял меня трепетать, этого стража я почему-то не испугался. Потирая руки, он сказал:

– Бонжур, месье! Холодно сегодня, а вы прижались к опоре. Влюблены?

Я рассмеялся и ответил:

– Эй!

Не знаю, что значит «эй» по-французски, и не знаю, понял ли он меня. Вообще-то понял. Может, он тоже был влюблен, а влюбленные понимают друг друга. Он рассмеялся, и я рассмеялся. Затем мы отсалютовали друг другу рукой на прощание, и я спустился вниз по той же лестнице номер два.

Я упоминал о свидании. Каждый день в пять вечера в 1954 году у меня было свидание. И вот я спустился с Эйфелевой башни и оглянулся на нее. Кажется, ей стало лучше, она немного согрелась. Я махнул ей рукой. Европейцев нельзя назвать людьми с горячей кровью.

Я пошел в условленное место встречи. У меня было тяжело на душе. Я двигался в сторону уличного кафе в конце бульвара де Голля, где каждый вечер у нас было свидание в пять – у меня, Марьям и Махтаб. Это уличное кафе не отличалось от других таких же. Столики на двоих и на четверых. Нас было трое, но мы всегда выбирали столик на двоих, чтобы сидеть ближе друг к другу. Столик стоял на газоне, возле тротуара. И всегда мы сидели и ждали. Каждый раз одна из нас, а именно Марьям, приходила с опозданием. И вот я вошел в кафе. Бросил «бонжур» пожилой паре, которую мы ежедневно здесь видели. Улыбнувшись, они ответили мне тем же. Они каждый день приходили в четыре. Пожилая женщина заказывала кофе по-французски и ждала, пока он остынет. Потом просила у месье Пернье, хозяина кафе, горячих сливок, чтобы смешать их с кофе. Пожилой мужчина ничего не заказывал, возможно, экономил. А может, ему нравилось отпивать кофе из чашки своей жены. То есть не то чтобы жены... Подруги. Они еще не поженились – их помолвка тянулась двадцать или тридцать лет, но они все еще сидели друг против друга как двое влюбленных. Сидели молча, только пожилой мужчина, когда брал чашку своей подруги и подносил ее к губам, выпускал глубокий вздох.

Я сказал «вздох» или я сказал «свидание»? Я говорил о свидании. Месье Пернье, хозяин кафе, с каплями пота на лысой голове приглашал меня зайти:

– Пожалуйста, месье Али! Госпожа уже пришла. Кстати, сегодня месье Сартр, как всегда, до обеда заходил пить кофе...

Все владельцы кафе в Париже говорили одно и то же. В те времена как-никак Сартр был жив и знаменит. И, бывало, в пять разных кафе зайдешь в один день, и везде хозяин, завидев чужестранца (такого, как я), сообщит, что здесь завсегдатай – месье Сартр. Это было обязательное блюдо. Я сделал вывод, что Сартр целые дни проводит в различных кафе, или их владельцы просто врут. Месье Пернье, с его лысой багровой головой, не уставал возносить Сартра, и крупные капли пота беспрепятственно стекали с его лысины на шею. Он провожал меня к столику, а я жалел, что не знаю языка. Если бы знал, то спросил бы, какое отношение имеет ко мне Сартр. Может, Сартр приходит сюда, чтобы рассказать мне об экзистенциализме? О реальности морали? Всю мудрость и философию, какие были мне нужны, я почерпнул у дервиша Мустафы. Но владельцы тегеранских кофеен почему-то не хвастались мне: «Господин Али! Завсегдатай нашей кофейни – дервиш Мустафа!»

Итак, он провел меня к столику со словами:

– Прошу вас!

Я посмотрел на этот двухместный столик, к которому был приставлен третий стул. За столиком сидела Махтаб. Марьям еще не было, но – да будет славен Творец! – место Марьям не пустовало: на нем сидел, лицом ко мне, дервиш Мустафа! Он был совершенно спокоен. Такое выражение лица, словно он сейчас идет по улице Хани-абад. Я посмотрел на него: он слегка изменился. Лицо было живым, но... Волосы его стали зелеными, и борода, и одежда. Все, что было белым, теперь позеленело. Вы только представьте себе: седые волосы стали как пучки сочной травы, влажной от утренней росы, цвета зеленого луга. И одежда зеленая-зеленая. Необычнее всего борода – пучки травы окружают лицо. Даже оттого, что я представил себе это, у меня волосы стали дыбом. Тут женский голос, пытаясь подражать манере дервиша Мустафы, произнес:

– Зеленое – оно обязательно зелено!

Затем раздался женский смех, и кафе наполнилось запахом жасмина. Я увидел, что Махтаб смеется. Длинными пальцами она коснулась холста, который стоял на стуле Марьям и где был изображен маслом дервиш Мустафа. Чуть подвинув картину, Махтаб сказала:

– Это для моего выпускного экзамена. Сегодня закончила. Тебе нравится?

Я кивнул и присмотрелся к Махтаб. На ней было кремового цвета манто и длинный кофейного оттенка головной платок-шарф. Я задумался о том, как лежат под этим платком волосы, похожие на водопад, – набок, прямо или заплетены? Так задумался, что ей пришлось повторить вопрос.

– Я спросила: нравится тебе? Или нет?

Я закрыл глаза. Как же падает этот водопад с его живительным рокотом – на сторону или прямо? Но какая разница? Открыв глаза, я сказал:

– Красиво... В любом случае красиво!

Она раскрыла бутон своих губ, и я почувствовал запах жасмина. Засмеялась:

– В любом случае красиво?! Даже зеленый цвет?!

Опять я закрыл глаза. И вот кофейный водопад вдруг сделался... зеленым?! Нет, этого я не мог представить. Открыл глаза и увидел перед собой дервиша Мустафу, его зеленые волосы, бороду и одежду. Тут наконец до меня дошло: Махтаб спрашивала не о своих волосах, а о дервише!

– Да, даже зеленый...

Подошел месье Пернье с двумя чашками на подносе. Взяв первую чашку, он ловко описал ей круг в воздухе и, согласно требованиям феминизма, поставил перед Махтаб:

– Кафе а-ля тюрк, мадемуазель!¹⁹

Вторую чашку поставил передо мной:

– Кофе Дарьяни!

Мы с Махтаб рассмеялись. С первых же дней моего появления в его кафе месье Пернье захотел, чтобы я стал его постоянным клиентом, и добивался этого, запоминая персидские эквиваленты французских слов. И все время переспрашивал меня со своим смешным выговором. Вначале я шел ему навстречу, но все чаще стал подшучивать над ним, чтобы он отстал от меня. Например, он спросил, как мы в Иране называем «кафе тюрк», или «туркиш кафе». Тут терпение мое лопнуло, и я ему сказал, что «кафе» так и будет «кофе», а «турецкий» будет «Дарьяни». Марьям тогда рассмеялась и сказала: «Это мы Дарьяни называем турком, а не наоборот!»

Махтаб поднесла чашку с турецким кофе к губам. И я поднял чашку с кофе Дарьяни. Она словно хотела поцеловать чашку полными губами. Мягко и спокойно подносила она чашку к губам и останавливала на расстоянии примерно половины пяди от губ. А потом приближала к чашке губы. Затем мягко наклоняла чашку, чтобы кофейная пена коснулась языка. И ставила чашку на стол. Она смаковала кофе – так, словно все удовольствия мира были сосредоточены в этой чашке и она не хотела, чтобы этот кофе когда-либо закончился. С такой степенностью и торжественностью она пила свой кофе. И я наслаждался тем, как она это делает.

Вновь она берет чашку и подносит ее ко рту. Губы она сжимает, точно бутон. И веки сжимает. Словно она целуется с чашкой. А потом смотрит на меня. И я раздавлен и покорен ею. Дыхание мое перехватило. Словно каменная гора давит грудь. И для каждого вдоха я вынужден приподнимать эту гору. Я едва-едва дышу. Сердце мое стиснуто, и стискивается все сильнее. Тянется ожидание, дыхание перехватило, потом удары сердца: тук-тук. И опять сердце сдавлено. И сдавливается сильнее, ожидание, дыхание перехвачено, и удары: тук-тук. Такое ощущение, точно кто-то кого-то убивает. Она безмятежно улыбнулась. Потом рассмеялась, игриво, как шаловливая девчонка. И затопала ногами, и сказала:

¹⁹ Кофе по-турецки, со сливками!

– А я хочу кофе Дарьяни!

– А мне кофе по-турецки.

Мы поменялись чашками. И вот она поднимает мою чашку и подносит ее к губам. Так же, как прежде. И я подношу к губам ее чашку. И вдыхаю ее запах. Чашка пахнет жасмином. Словно только что на кромке чашки расцвели жасминовые цветы. И я хочу отпить, но не могу. Не пойму почему. А Махтаб выпивает кофе залпом и без всякой важности. А потом вздыхает. За соседним столиком пожилой мужчина тоже вздыхает. Махтаб смеется:

– Теперь настало время для чего?

– Не знаю.

– Для гадания на кофейной гуще! В кофейне месье Пернье, в исполнении великого мастера!

Она внимательно рассматривает блюдце, убеждаясь, что оно чистое. Затем переворачивает на него чашку. Потом поднимает чашку и говорит:

– Загадай желание и сунь палец. – И опять звонко засмеялась. – Впрочем, тебе не обязательно загадывать желание. Я сама его знаю. А кроме того, пальцы у тебя грязные. Наверняка опять обнимался с опорой Эйфелевой башни! Жаль, нет Марьям, а то она дала бы тебе платок вытереть пальцы...

Мы захохотали. Она вытерла руки бумажной салфеткой, потом сунула свой указательный палец в чашку.

– Вообще-то надо совать палец в конце гадания... Но великий мастер не разбирает, где конец, где начало.

Она перевернула вторую чашку и начала внимательно изучать кофейные узоры. Мы вместе их рассматривали. Шарф, которым была покрыта ее голова, падал ей на плечо, окутывал ее шею и лежал, словно шаль, на ее кремового цвета манто. Она что-то бормотала – я не мог разобрать, что именно. Потом попросила меня посмотреть внутрь чашки. Кофейные извивы разбежались там, словно линии на географической карте. Я поднял глаза. И Махтаб посмотрела прямо на меня. Потом она отобрала у меня чашку и, не заглядывая в нее, а все так же глядя мне в глаза, начала толковать увиденное на дне:

– Эту чашку выпил человек, которого очень любят... Нет! Два человека... А может, даже три – позже они встретятся... Эти два человека... Нет... Все-таки один человек... Эти двое – как один человек! Может быть, даже еще ближе... Почему же они так далеки друг от друга? Хотя так близки... А вот его желание. Или их желание. Не знаю... Впрочем, они сами знают. Прочешь две строки по-арабски и дать толкование – какая же это трудная задача, не так ли, господин Али Фаттах-хан? Я не знаю, почему ты такой, но... Но тем не менее...

И она вздохнула. Пожилой мужчина за соседним столиком тоже вздохнул. Она протянула мне чашку, чтобы я взял ее. И я почувствовал своими пальцами жар ее руки. Но я отдернул ладонь, чтобы не коснуться ее. Чашка упала на стол, но не разбилась. Я засмеялся и посмотрел на Махтаб. Но она глядела на меня серьезно.

– Если тебя тревожит репутация, то здесь тебя никто не знает. Так почему...

– ...Не знаю.

– Ты все вспоминаешь Мухаммада-сводника?

– Не знаю.

– Мама все еще против?

– Да помилует ее Аллах!

– Кого, чего ты стесняешься? Мы ведь одни, никто нас не видит...

– А дервиш Мустафа?

Она с горечью рассмеялась и, сняв картину со стула, поставила ее на пол. И дервиш Мустафа оттуда, снизу... да нет, с небес – сказал мне что-то. Эти слова дервиша с зелеными

волосами и в зеленой одежде не были обычными словами, и я не могу их повторить. Скорее это было нечто вроде запаха жасмина или зелени дерева. Это невозможно описать.

Я опустил голову и стал смотреть на картину. Один кусочек бороды дервиша не был прописан: вокруг лежали мазки, а в этом месте не было закрашено. Махтаб улыбнулась:

– Видишь, Али? В том месте «ихмаль».

Я с удивлением переспросил:

– «Ихмаль»? Что это? По-немецки?

Она звонко рассмеялась:

– Нет, это одно из словечек Карима. Когда я только начала рисовать, он как-то выразился: «Этот рисунок – ихмаль...»

Я улыбнулся. Смотрел на нее и только улыбался, смеяться не мог. Как выражался Карим, я был «словно пыльным мешком ударенный». И вдруг у меня на глаза навернулись слезы. Я уронил голову на стол и заплакал. Сам не понимал, почему плачу, но вдруг вспомнился Карим... Сквозь слезы я сказал:

– Светлая ему память... Где ты сейчас, Карим?.. Ведь вместе мальчишками были... Вместе из школы возвращались... Тот же дервиш Мустафа говорил Кариму: «О юноша, того, кто не учился грамоте... оставь его». Где сейчас Карим? Знаешь что... Пока Карим был жив, я на тебя даже посмотреть не мог... И знаешь что... Когда его убили...

Но рыдания не позволили мне продолжать. Я опять уронил голову на стол. И Махтаб заплакала. Плакала ли она по Кариму или по другому поводу – не знаю, но факт тот, что мы рыдали. Ее теплое дыхание касалось моего лица. Словно она специально дышала мне в лицо. От нее пахло жасмином. И мы рыдали вместе. Смотрели друг на друга и рыдали. Пожилой мужчина за соседним столиком был в полном недоумении. Махтаб наклонилась над столом, и теперь я видел только ее одежду – эту смесь тканей кремового и кофейного цветов. Словно молоко и мед. И мне хотелось ощутить этот вкус, вкус густого меда и молока...

Знакомый голос привел меня в чувство:

– Что случилось? Осталось попросить месье Пернье свет погасить, чтобы вы могли еще бить себя в грудь, – и будет траур Ашуры!²⁰

Это была Марьям. Она опоздала на час: это за ней водилось – опаздывать. Я вытер слезы, Махтаб сделала то же.

– Мы плакали по Кариму, – объяснил я. Хотя сам не вполне верил тому, что говорю.

Но Махтаб, улыбнувшись, подтвердила:

– Плакали по Кариму.

Марьям указала на пожилых людей за соседним столиком:

– А вот таким будет ваш конец, посмотрите! – Взглянув на мое и Махтаб мокрое лицо, добавила: – Я никогда не видела такого плача, – затем произнесла фразу, которую позже много раз мне повторяла: – Седина в голову – бес в ребро...

...Итак, я говорил о плаче или я говорил о Кариме? И о том и о другом. Что такое 1954 год? Это был солнечный год – а было их несколько...

Вот еще один солнечный год... Сорок первый или сорок второй? В тот год я иногда отпускал водителя и сам садился за руль. Черный «Шевроле», который купил дед, очень мне нравился. И я совсем не уставал, когда вел эту машину. Она восхищала меня больше других машин, которые были до нее. И цвет мне был по душе. У меня был такой же черный блестящий костюм, под который я любил надевать белую рубашку с открытым воротом. Привлекательность открытого ворота еще и в том, что непонятно, есть на тебе галстук или нет. И вот я еду на черном «Шевроле», и мне так нравится, что на мне костюм того же цвета...

²⁰ Траур Ашуры – траурные шиитские церемонии, когда бьют себя в грудь, оплакивая гибель имама Хусейна, проходят в скудном освещении, при частично потушенном свете.

У меня была назначена встреча с Каримом. Я уже оставил позади бедные кварталы и приближался к Шамирану²¹. Ехал по шоссе, поднимающемся в горы. Догонял и оставлял позади конные экипажи и повозки. Других машин почти не было – может, три-четыре на всем пути. А вот и Карим стоит – в белой рубашке, тоже с открытым воротом и с короткими рукавами. И в белых брюках, широких таких, словно карманы набиты чем-то. Увидев меня, махнул рукой. Я остановил «Шевроле», он открыл дверь, сел, и мы обнялись, приветствуя друг друга.

– Бессовестный! Надел костюм – официально, как сенатор. Сказал бы – мы бы тоже пиджак накинули.

Я оглядел Карима. Волосы на груди выбивались из открытого ворота его рубашки.

– А ты, можно подумать, все по делам да по сельхозполям. В рубахе с открытым воротом... Аллах да подаст вам богатый урожай?

– Не остри. Земледелец – он в небо смотрит. А в небе что? Солнце. Солнце как по-арабски будет? «Шамс»!

Я рассмеялся.

– Ты, смотрию, ловкий стал, как тот кот, который, как его ни подкинь, все на четыре лапы встанет.

Я остановил машину на площади Таджриш. Предложил было Кариму поехать к мавзолею²² Салиха, но он предпочел Дарбанд. Когда я замедлил ход машины, сзади вдруг раздались гудки. Какой-то джип с открытым верхом сидел у нас на хвосте. Я прибавил скорость, но и он не отставал. Карим опустил стекло и, высунувшись, заорал:

– Что случилось? Опаздываешь на свадьбу своей мамы?

Но водитель джипа не только не перестал сигналить, но еще и фарами начал моргать.

– Пропусти его, Али, – сказал Карим. – Он отца родного зарежет, только бы к тете на похороны успеть.

Прижавшись к обочине, я дал понять водителю джипа, что путь свободен. Но он, обогнав нас, затормозил и заблокировал нам путь. Вышедший из джипа человек был таким толстым, что машина, освободившись от водителя, заметно приподнялась на подвеске. Я вгляделся в него: сам жирный, а подбородок узкий, подстриженная бородка... Это был Каджар. Одет он был в сорочку, похожую на нижнее белье. Погода вообще-то была прохладная, но ему, как видно, было жарко.

– Пьян, окаянный! – заметил Карим.

Я оглянулся на друга и кивнул. Каджар, покачиваясь, подошел ко мне и полез целоваться. Я отшатнулся – так воняло из его рта. Тогда он обошел машину и, согнувшись, стал целовать руку Карима. Меня смех от этого разобрал. Каджар заговорил:

– Ваши высочества! Мой безумный отец неделю назад... Нет, уже больше недели, приказал вам долго жить! Вам и вам, Али-ага... Потом я купил этот джип... Отличная машина, а? – Он указал на мой «Шевроле». – Видишь, Али, и я машину купил! Конечно, «Шевроле» дороже джипа... Но и я купил дорого, о-очень дорого. О-очень много сверху дал. Но ведь мы – Каджары! Когда господин Кавам пришел к власти, мы осмелели... За эту машину я гораздо, гораздо больше ее стоимости дал. У нее и крыша есть, только сейчас снята... А на зиму... Сейчас-то мне жарко. Задыхаюсь прямо. Ждали, пока неделя пройдет со смерти, потом вот взял ее. За десять тысяч туманов. Слишком много для нее, а?

Он указал на пассажирское сиденье джипа, на котором восседала женщина. Декольтированное платье открывало ее плечи. С таким лицом, как у нее, она по городу и десяти шагов бы не прошла. Оглянувшись на нас, она улыбнулась и эффектно тряхнула волосами. Губы ее

²¹ Шамиран – район на севере Тегерана.

²² Мавзолеи (мазар) над гробницами шиитских имамов и их потомков (так называемых имам-задэ), а также других святых – распространенный в Иране тип культовых зданий.

были покрашены алой помадой, а на лице – толстый слой румян. Она снова улыбнулась нам. Карим схватил Каджара за воротник:

– Ах ты слон! Этой дамочке с большим покрашенным ртом место на улице красных фонарей! Что она здесь делает?

Каджар неожиданно пришел в себя:

– Нет! Нет, ради Аллаха! Эта красавица не из тех дамочек. Это моя сестра!

И я, и Карим рассмеялись. Женщина в джипе тоже засмеялась – каким-то мужским голосом. И Каджар захохотал, глядя на нас. Он был сильно пьян.

– Говорю, это моя сестра, – сказал он Кариму. – Я ее привез в Шамиран воздухом подышать. Кстати, Карим-хан, как она себя... как ваша сестра, Махтаб-ханум, себя чувствует? Она такая краси-ивая...

Карим посмотрел на Каджара и бесстрастно подошел к нему. Я бросился было к Каджару, но Карим остановил меня. Потом поднес растопыренную пятерню к лицу Каджара и спросил:

– Сколько тут пальцев?

– Пять, пять господин Карим!

Карим поднял руку выше и снова спросил:

– А теперь сколько?

– По-прежнему пять, пять пальцев, господин Карим!

И тут Карим опустил кулак прямо Каджару в ухо. Тот попятился и упал. Карим поднял его на ноги. Опять поднес пятерню к лицу Каджара:

– Еще раз скажи: сколько здесь?

– ...Получил я уже, но пять! Сколько вы скажете, столько и будет, пять, господин Карим!

И еще раз Карим ударил Каджара в ухо. Женщина вышла из джипа и схватила меня за плечи. Не знаю почему, но она визгливо смеялась.

– Умоляю вас, не бейте его! Я не могу это видеть! Он виноват, да! Как говорится, что у трезвого на уме, у пьяного на языке! Он же пьяный совсем.

Карим повернулся и злобно сказал этой женщине:

– Ты язык попрिдержи, балаболка! Я этого Каджара окаянного так опозорю!

И он с такой силой ударил Каджара, что у того кровь хлынула, вмиг окрасив его сорочку. Потом его вырвало, и он упал на землю. Мы с Каримом вдвоем подняли его, тяжеленного, и бросили в джип. Каджар смотрел теперь на Карима, словно протрезвев. Но речь его стала совсем неразборчивой:

– Квартал кожевников, нет! Квартал Коли, Шамси, и эти... Кожевенный завод...

Женщина платком стерла кровь с его лица, Каджар замолчал, а его спутница обратилась к нам:

– Что вы сделали? Зачем так его избили? Бедная я, кто меня отвезет?

– А ты, наверное, хочешь, чтобы мы тебя отвезли?! Да?! – накинулся на нее Карим. – Напоила, вытрясла, десять тысяч туманов взяла с него! Продолжай в том же духе, тебя любой осел подвезет...

Мы с Каримом сели в «Шевроле» и уехали. Каджар получил по заслугам. В трезвом уме он не осмеливался ничего подобного сказать Кариму, но я чувствовал, что кончится чем-то таким. Уже много лет я этого ожидал. Может быть, именно поэтому я никогда не ухаживал за Махтаб.

* * *

Я, что называется, не ходил по пятам за Махтаб. Она говорила мне, что занимается живописью в студии номер три, я знал, где это, но встречался с ней только по вечерам в кафе месье Пернье. В студию я решил не ходить, и не потому, что боялся помешать ее работе, а просто

чувствовал, что так будет неправильно. С моральной точки зрения. И по вечерам я приходил лишь потому, что там присутствовала Марьям. Хотя она всегда чуть опаздывала. По утрам я проводил время в кино или в музеях. Пару раз побывал на фабрике силикатного кирпича – ради этого я вообще-то и приехал в Париж. Силикатный кирпич использовался теперь вместо того, который применяли у нас. До Тегерана он еще не дошел, но в Париже, Берлине, Риме, Мюнхене теперь строили в основном, из него: он был крупнее нашего, легче, белого цвета. Также говорили, что, поскольку в наш кирпич замешивают глинянную почву, рано или поздно это отрицательно скажется на сельском хозяйстве. Ну что здесь можно возразить?!

...Почва Земли, почва Луны... На почвах Луны растут только цветы жасмина... (смотри главу «3. Она»).

...Так о чем я говорил?

Мы вернулись на площадь Таджриш, причем я помню, что ни разу не взглянул в зеркало заднего вида. А Карим посмотрел на меня и спросил:

– А ты чего набычился, как для драки? Все проблемы – наши... К тебе-то какое отношение имеют?

– Я по дружбе, – рассмеявшись, ответил я.

– Час от часу не легче. По дружбе – к кому?!

Тут рассмеялись мы оба. Машину оставили на площади Таджриш и заказали по три порции шашлыков из печенки, сердца и почек. Мясо жарил для нас хозяин заведения по кличке Король потрохов. Приготовив шампуры, он положил их на мангал и раздувал пламя; всего было не то двадцать, не то тридцать шампуров. Потом он стал заворачивать шашлыки в лепешки из хлеба сангяк²³. Карим не удержался, начал есть хлеб, и я спросил его:

– Ну как, вкусно?

– Еще бы не вкусно, – ответил он со смехом.

Я этого не понял. Расплатился с Королем потрохов – дал ему гораздо больше, чем с меня причиталось. И сказал ему, чтобы присматривал за машиной. А он ответил со своим северо-тегеранским акцентом:

– Не извольте беспокоиться. Я настороже, оберегаю их репутацию.

Мы посмеялись, однако было непонятно, о чьей репутации он говорит – может, угонщиков машин? Полотенцем, которое висело у него на плече и с помощью которого он брал раскаленные шампуры, шашлычник протер стекло машины. Мы попрощались с ним и отправились в путь пешком вдоль реки Джафар-абад, в сторону Дарбанда – парка в горах.

Подъем в горы начинался почти от самой площади. Это был конец августа 1942 года. Кругом было почти безлюдно, лишь иногда попадался деревенский житель или встречались редкие тегеранцы, у которых здесь загородные дачи. Деревенские везли на муле какой-нибудь груз вверх, в горы, или вниз. Поравнявшись с нами, они без промедления, первыми, здоровались. Карим был в ударе. Навстречу нам спускался с гор старик, нагруживший осла дровами, – на зиму заготавливал. Все его внимание было на том, чтобы поклажа не упала с осла, поэтому он, проходя мимо нас, не поздоровался, и Карим спросил его:

– А где «салям»?

Старик растерялся. Он снял свою войлочную шапку, извинился и поприветствовал нас. Но Карим заявил со смехом:

– Нет, отец дорогой! Я ведь не с тобой говорил, а с твоим ослом. У нас есть товарищ, он ослиный язык понимает.

Карим взял вожжи из рук старика и направил ослиную морду в мою сторону.

– А ну поздоровайся с господином! Я сказал: поздоровайся!

²³ Сангяк – хлеб, который выпекают в специальной печи на раскаленной гальке.

Затем он сунул два пальца в ноздрю осла и надавил там. Тогда осел, что называется, от глубины души заревел, во весь голос.

– Молодец! Теперь ты стал господин осел!

И Карим отдал вожжи старику, который открыл свой беззубый рот и от всего сердца захохотал.

– Господа хорошие! Да хранит вас Бог! Окажите мне честь великую – поужинайте в нашей хижине. Без соли вам плохо будет. Да храни Аллах вас в пути! Счастья вам!..

...Мы пришли к нашей цели в Дарбанде. Карим хотел, чтобы мы еще выше в горы забрались, но я возразил: шашлыки совсем остынут. Ему же хотелось туда, где нас совсем никто не знает. В итоге мы дошли до самого последнего кафе вверху по реке. Выше дорога отходила от реки и брала прямо в горы, по направлению к Шир-Пала. В этом кафе было всего три стола, и мы заняли тот, что подальше от дороги. Карим вымыл руки и лицо в бассейне, потом командным голосом сделал заказ хозяину кафе:

– Тащи нам два жбана кислого молока с огурцами, два лимонада и два стакана принеси. И все три стола мы берем в аренду, чтобы никто больше не заходил. И сам тут не мельтеши, ступай в сени.

Хозяин кафе проворно выполнил все распоряжения Карима, потом ушел внутрь, оставив дверь полуоткрытой, и занялся проволочной корзинкой для разжигания углей. Но Карим отправил его прочь:

– Иди лучше, нам дым этот не нужен в глаза!

Мужчина кивнул и занялся другими делами. Я с удивлением взирал на Карима. Открытая рубашка, белые брюки с оттопыренным карманом, клочковатая борода, черная, как сапоги, закрученные вверх усы...

– Ты хорошо все обдумал? – спросил я. – Не успели прийти, как все в аренду, и столько молока кислого с огурцами...

– Человек должен держать руки в карманах, быть щедрым, – ответил он, – особенно если это благословенные карманы Хадж-Фаттаха...

Мы рассмеялись, и Карим пришел в шутовское настроение:

– А какая все-таки была сцена, как славно я этого Каджара засаванил!

– Что значит «засаванил»?

– Это производное от «задушил» и «в саван замотал»... Но что-то мне прохладно стало...

– Так накинь мой пиджак! Как ты себя чувствуешь вообще?

– Спасибо вашей милости! Немного согревающего я вообще-то взял, но совсем мало, можно сказать, как мальчик пописал...

Я еще ничего не понимал и спросил его:

– Может, лучше все-таки было поехать к мавзолею Салиха?..

– Нет, Али-джан! У меня слишком нечисто в карманах.

– Что значит «нечисто»?

Рассмеявшись, он ответил:

– Согревающее! – и достал из кармана стеклянную плоскую флягу.

Желтую жидкость из нее он налил в стакан, потом разбавил лимонадом и протянул стакан мне:

– Хлебнешь? Это вещь! Для такой вот фляжки выжали два кило лучшего винограда из Урмии! Черт бы побрал! Ты смотри, что получилось! Сладкая, как чай!

Я встал, раздраженный и встревоженный. Язык мой словно отнялся. Дед предупреждал меня: глаза, мол, у Карима красные и выпученные, и маслянистость под веками, и щеки багровые... Но я не верил этому. Отвечал, что Карим не из таких, не из пьющих. А теперь смотрел на него и не мог произнести ни звука.

– Ты правильно угадываешь! Аренда заведения и все эти приготовления для того же...
Честь потерял, совесть выплюнул...

Я пошел было к дверям кофейни, но он преградил мне путь:

– Сядь ты, во имя своего предка... Не делай мне хуже, чем оно уже есть...

Я не знал, что ответить, и сел за стол рядом с ним. Он положил передо мной шашлык из печенки. Поставил кислое молоко и лимонад. А меня не покидали изумление, растерянность и тоска. Что случилось с Каримом? Я не знал, что Карим потерял и невинность, хоть раньше иногда он говорил об этом, но я думал, что он просто бахвалится...

Он отвернулся от меня и большими глотками выпил все содержимое фляги. Потом, посидев немного, встал и, яростно размахнувшись, бросил пустую флягу в реку. Подойдя к бассейну, нагнулся, набрал воды в рот и прополоскал его. Трижды проделал это. Затем вымыл руки. Подошел и сел за стол напротив меня. Голос его изменился, слова с языка сходили как-то растянуто. А глаза так кровью налились, что вот-вот, казалось, она брызнет из них...

– ...Вот и хорошо стало, то есть не то чтобы хорошо... Лучше стало. Мы теперь очистились, как и вы, ваше благородие. Внешность наша по крайней мере стала чиста. Как у факиха – ахунда²⁴ знаменитого. Трижды прополоскать. Гр-гр-гр! Гр-гр-гр! Если я буду и от тебя скрывать, то никого у меня не останется. Однажды мы решили стряхнуть с себя скорбь. Так не дал. Еще больше заставил грустить. Стряхнуть с себя скорбь – это все равно что генеральная уборка дома перед праздником. Тегеранский парень поймет меня. Дом только прибрать чисто, и все. И скорбь то же самое. Приведи в порядок свои скорби, и все. Нельзя выбрасывать их. Но ты стряхни с себя скорбь и положи в специальный ящичек. Это то же, что переезд на новую квартиру. То есть сверхурочная работа. Не то что мне не хватало... Вот если бы ты сказал мне «нет», тогда бы у меня точно никого не осталось, и это было бы не по-то-ва-рищески!

Карим положил голову мне на колени и зарыдал.

– Я не лезу с пьяными соплями. Да, потерял я честь, осквернил заветы Аллаха. Но я шариат уважаю, ахундов уважаю! Вот смотри: сажусь на отдельной от тебя скамейке, я мусульманам не навязываюсь. Отвернулся от тебя, чтобы в глаза мусульманину не смотреть. Все столики арендовал, чтобы ухо мусульманина не слышало... Мусульманин не слышит, неверный не видит... Чего еще ты хочешь, негодяй?

У меня тоже, как и у Карима, слезы потекли из глаз. Почему – не знаю. Я переживал за него! Ведь он пропал. По моим расчетам выходило, что он не молился больше месяца. Больше месяца! И я плакал по Кариму. А он говорил, не умолкая:

– Негодяй! Ты ведь тоже влюблен... Никто не знает, но я знаю!

Я обнял его голову и поцеловал ее. Голова плакала.

– Не бросай меня, Али! От меня воняет, как от собаки, да? Нет?! Но и собака, если дашь ей кусочек, для тебя райский мир открывает на небе. Так мулла в мечети говорил. А ты ее видел? Ты ее видел?! Нет... Не видел! Она ушла в райские кущи. Не осталась с людьми. И она сама как гурия... настоящая!словно из рая явилась. Я думаю порой: и в раю нам этого не будет. Рай – он для пророков... А зовут ее Шамси! «Солнечная»... Ушла и не сказала «до свидания». Не сказала досви-Дания? Досви-Швеция? Досви-Норвегия? Сколько стран этих, Али... Но это не наш дом! А где наш? Где твой дом, Али? Где наш дом, негодяй ты этакий! Ведь ты тоже влюблен. Не скрывай. Ты выдал себя. Целый год уже... А как это печально – быть влюбленным... Али! Мое положение крайне шаткое. Я еще не знаю, люблю я Шамси или нет... Как только нога моя ступила на улицу Каджаров, я о любви и думать забыл... Как пишут ее имя? – Он рассмеялся. – Но тут ничего не пишут, тут на подносах чай приносят. Хозяин! – крикнул Карим. – Али моему принеси еще лимонаду...

Я продолжал плакать. А он смотрел на меня своими красными глазами.

²⁴ Факих, ахунд – названия мусульманских духовных лиц.

– Ты ведь не пил, но пьян, Али-джан! Без музыки уже танцуешь, Али-джан! Именно поэтому я люблю тебя. И готов умереть за тебя, за все, что ты сделал... А я стал негодяем, Али! Я уже сколько времени... пока не выпью, плакать не могу... С тех пор, как Махтаб и Марьям уехали. Вот уже год, два года их нет, но я тебя не понимаю... Ты всегда, как захочешь, можешь заплакать... Значит, Махтаб повезло. А Шамси не повезло...

Я говорил о плаче? Или я говорил о Кариме, или о смехе, или о Махтаб, или о Марьям, или о лжи, или о Дарьяни, или о себе, то бишь об Али?! Или я говорил об Али? О, Али-заступник!

3. Я

Дед Фаттах накануне поручил Кариму утром пойти в поварню усатого Исмаила и забрать заказ. Исмаил торговал требухой: потрохами, сычугом, рубцом, бараньими головами и ногами – и дед заказал ему именно кушанье из голов и ног. Возвращаясь домой с кирпичного завода или из караван-сарая, дед часто останавливался либо в кофейне Шамшири, либо в поварне Исмаила. Тот по вечерам закладывал варево, и к утру оно бывало готово.

И вот утром Карим встал пораньше, когда Искандер и Нани совершали утренний намаз. Проснувшись, он отбросил дерюжное одеяло, грязное и заплатанное, и слегка размял мышцы, делая зарядку. При этом наблюдал за матерью, быстро-быстро читающей намаз. В конце намаза она, вместо того чтобы сделать это трижды, пять раз, а то и больше, ударяла руками по коленям, специально для того, чтобы это слышали Карим и Махтаб, высоко поднимала руки и вместо молитвы говорила:

– Воззри, Аллах, на царство черное! Дети богатые Хадж-Фаттаха нужды ни в чем не знают, а наши дети с утра до вечера спину гнут, трудятся, занимаются, так падет ли топор на дармоедов босоногих?

Искандер тяжело вздохнул. Как это было принято и у Фаттахов, по утрам он разливал чай на всех. И окликнул Нани:

– Женщина! На Аллаха не ропщи. У них еще косточки слабые, но, инша Аллах, все образуется.

– Вот и я о том же: пока косточки мягкие, надо их спину гнуть научить. А как кость окребеет, уже ничему не научишь – поздно будет!

Карим сердито проворчал что-то и вышел из дома к бассейну. Но он разочаровал мать, подумавшую, что сын идет совершать омовение для намаза. Он лишь ополоснул лицо из бассейна и, вернувшись в дом, торопливо оделся. Разбуженная Каримом, Махтаб с трудом открыла глаза, потом откинула одеяло и простыню – заплатанные, но белые и чистые. Встряхнула головой, и ее длинные каштановые волосы легли ровно.

– Куда это спешка в такую рань? – спросила она Карима.

– Тебе-то что, любопытная?

Нани вполголоса попросила прощения у Аллаха, а потом напустилась на сына:

– Смерть безвременная! Она правильно спрашивает. В такое время собаки по домам сидят, а ты куда намылился?

– Хадж-Фаттах поручил, – сердито ответил Карим, – утром у Исмаила-усача взять ножки и головы.

Махтаб уже умывалась возле бассейна водой из специального кувшина для омовения. Подняв голову, она сказала Кариму:

– Как нищий там не околачивайся. Поставь под дверь мясо и возвращайся.

Карим посмотрел на нее равнодушно.

– Эге-ге! Вода в бассейне есть! Чем нос везде совать, лучше бы чистую воду поберегла, кобылка!

И он мощным ударом ноги открыл деревянную дверь и вышел из дома на улицу. Искандер даже привстал, услышав этот удар:

– Ишак необузданный! Дверь с петель срывает... Хадж-Фаттах и для нас порцию ножек с головами отложил. Забыл я сказать этому ишаку, чтобы и наше принес...

Махтаб, расчесывая волосы перед зеркалом, произнесла негромко:

– Я завтракать сегодня не буду – не хочется...

* * *

Карим бегом, запыхавшись, выбрался из оврага наверх. Солнце только что взошло. Возле хлебопекарни Али-Мохаммада стояли за хлебом люди – женщина в чадре и мужчины в кафтанах, сюртуках и в шапках-«пехлевийках». Карим никого из них не знал. Бегом он продолжал свой путь до лавки Ислами в крытом рынке, а там и до поварни Исмаила недалеко. Ее окна запотели от пара. Недавно в ней традиционные дощатые щиты, на которых сидели по-турецки, заменили на столики и стулья для посетителей. Таково было требование городских властей. И вот теперь несколько человек сидели за столиками и ели горячий хаш. На каждом столе стояло по кувшину с водой: кого мучила жажда, брал и свободно пил. Войдя, Карим поздоровался, но усатый Исмаил не ответил – или не заметил его, или сделал вид, что не заметил. Он громко переговаривался с Мусой-мясником и несколькими покупателям, объясняя причину подорожания:

– Цену на ножки не я поднимаю, это дело рук вашего Мусы-мясника, который вон, как теленок, морду в ясли опустил и наворачивает себе!

Муса-мясник выплюнул косточку в руку и рассмеялся:

– Исик-усач! Ты нас своими усами-то не коли. А то я правоверным накладные-то покажу! Правильно, я повысил цену ножек на два аббасы²⁵, но ты еще три сверху добавил.

– Тут дело не только в цене одной. Мой товар в Тегеране известен, а чтобы он был известен с хорошей стороны, я вынужден две-три штуки из твоих голов выкидывать. Иначе покупатели из меня бифштекс сделают.

– Постой! Что не так с моим товаром?

– Головы вонючих козлов суешь вместо телячьих... Такая голова в котел попадет – все выбрасывай от вони...

– Постой! Ты горсточку углей кинь туда, в котел, и спи себе до утра, как овца невинная. Утром народу божьему втюхаешь мясо, и снова спи спокойно до вечера... Только не забудь, что позавпрошлый шах одного пекаря, который слишком цену поднимал, кинул в печь.

Исмаил опустил два пальца в желтое густое масло, налитое в медный поднос, и смазал им свои усы. Таким образом, усы его стояли торчком и не закрывали рот. Он ответил Мусе-мяснику:

– Наверное, ты о Резе-шахе речь ведешь. Только я в котел – или, как ты говоришь, в печь – вряд ли помещусь. Не на месте буду, не мое это место!

Муса-мясник рассмеялся. Потом указал на усы Исмаила:

– А все-таки усы твои так и просят, чтобы их подпалили! Уголек для усов – самое милое дело...

Все рассмеялись, и Карим тоже. Один из посетителей, сидевший, развалившись, на последнем оставшемся традиционном помосте, сказал:

– Говорят, все это было подстроено. Войлочную кошму скатали и кинули в печь вместо парня того. Народ, дескать, все скушает. Их расчет был – напугать людей, чтоб хвосты поджали.

Все немного помолчали. Потом Исик-усач сказал:

– Аллах знающий! Стало быть, все это было придумано заранее. – Он обратил внимание на Карима, заинтересованно слушающего разговор. – Сын того Исика! А от этого Исика чего хочешь?

Карим сказал, что пришел за заказом Хадж-Фаттаха, и Исмаил начал доставать из котла требуемое. В это время дверь поварни открылась, и вошел Дарьяни в сюртуке. Поздоровавшись, бросил Исмаилу:

²⁵ Аббасы – старая монета, названная по имени шаха Аббаса I, равная четырем шахи.

– Чашку бульона, будь добр.

Исмаил заворчал себе под нос, передразнивая Дарьяни:

– «Чашку бульона, будь добр...» Мозг требует вынимать, чтоб дешевле было, сухожилия, языки, заушины... Тоже, видишь, свой подход... Мелочен до чего – спасу нет!

Наполнив чашку бульоном, он отдал ее Кариму со словами:

– Не поленись, пожалуйста. Помощник мой, негодяй эдакий, не явился, так ты, пожалуйста, отнеси вон бакалейщику – вашему соседу, можно сказать... – И совсем уже тихо Исмаил добавил: – Его счастье, что у него печки нет в лавке, а то бы шах и с ним разобрался...

Карим поставил бульон перед Дарьяни, который внимательно следил за руками Исмаила. Тот один за другим разбивал черепа, доставая мозг, вырывая языки из глоток, бросая их в кастрюлю вместе с глазами и заушницами.

– Ну, заморыш! – сказал Кариму Дарьяни. – Смотрю, ты к головам пристрасился?

– А как же. Смотрите, как бы вашу не съел.

Дарьяни взял хлеб и стал крошить его в суп, а Кариму прошептал:

– Ну, сукин сын, язык длинный стал...

Карим, стоя у двери, глядел на Исмаила-усатого, как вдруг дверь открылась, и вошел его собственный отец, Искандер.

– Ишак необузданный! Еще хлеб сангяк возьми для господина. Десять штук.

И Искандер завел разговор с Исиком-усачом. Их обоих в этом квартале звали

Исиками, и вот теперь Исик Хадж-Фаттаху у Исика-усача брал заказанное мясо.

– Нам бульона побольше влей, а Хадж-Фаттаху, наоборот, мяса побольше...

Взяв мясо, Искандер попрощался с Мусой-мяс—ником, с Дарьяни и с другими и вышел, и тогда уже Исмаил выдал кастрюлю Кариму. Тот тоже попрощался со всеми, а все просили передать привет Хадж-Фаттаху. Молоденький паренек в войлочной шапке, сидящий позади Мусы-мясника, произнес с курдским акцентом:

– Стало быть, сегодня начальник на завод попозже приедет. Можно не бежать сломя голову. Господин Исмаил, мне, пожалуйста, две порции телячьих ножек...

Карим вернулся к хлебопекарне Али-Мохаммада. Там уже набралось много народу. Женщины стояли в одной очереди, мужчины в другой. Карим оставил кастрюлю у стены и пошел ко входу в пекарню. Кое-кто запротестовал, но он ответил:

– Все спокойно, дядя! Беру не для себя, а для Хадж-Фаттаху.

Хоть и поворчали люди, но расступились, и Карим вошел внутрь. У пекаря Али-Мохаммада голова по самый подбородок была замотана йездским²⁶ платком, из-под которого выбивалась седая борода. Седые волосы прилипли к потному лбу. Карим обратился к нему раз, другой, но пекарь будто не слышал. Видимо, ждал, пока Карим споет и покривляется. И Карим запел шутовским голосом, подражая женскому:

Мой ребенок угорел, пекарь Али-Мохаммад!

Да и рис мой подгорел, пекарь Али-Мохаммад!

Пареньки в очереди, которых песня Карима взбудрила и вывела из утренней полуспячки, начали ему подпевать:

Мой ребенок угорел, пекарь Али-Мохаммад!

Да и рис мой подгорел, пекарь Али-Мохаммад!

²⁶ Йезд – город в Иране, где производился определенный вид ткани.

Пекарь посмеивался – даже йездский платок не мог этого скрыть. Вообще он почти не разговаривал, словно был немой. Подняв обе руки, показал все пальцы Кариму, как бы спрашивая: «Десять штук?» Карим кивнул, про себя удивляясь: «Откуда он знает, что именно десять? Видно, вчера хозяин ему заказал!» Через миг он уже получил из рук пекаря десять хлебов с маком и собрался уходить, когда пекарь сунул ему немного мелочи в руку. И опять Карим удивился:

– Это зачем?

На этот раз пекарь показал ему семь пальцев, при этом зажмурил глаза. Карим не понял, тогда один из парней в очереди объяснил ему, дескать, мелочь отдашь семи слепым. Теперь Кариму все стало ясно, и он направился к переулку Сахарной мечети.

* * *

Хадж-Фаттах, в это утро поднявшийся раньше всех, сказал матери Али:

– Невестушка дорогая! Сегодня на завтрак только чай готовь, еду я заказал – принесут...

В это время Али и Марьям совершали перед намазом ритуальное омовение возле бассейна, водой из специального кувшина. А потом вместе в одной комнате стали читать намаз. Дедушка с удовольствием поглядывал на внуков через приоткрытую дверь. И попросил их после намаза помолиться за их отца.

– Я и так за него каждый день молюсь, – ответил Али. – Чтобы из Баку привез гостинцев, чтобы по дороге из Казвина пахлав²⁷ для нас купил и вообще чтобы возвращался скорее – пополнить кредит Марьям... – И Али шепотом спросил Марьям: – Ты думаешь, одна ты – сыщица?

Марьям ущипнула Али за ногу:

– От многословия у тебя и чечевица во рту не увлажнится.

Раздосадованная, она ушла в свою комнату – надеть для школы платье бирюзового цвета. Открыла свой шкафчик. У нее, у девушки, в комнате было больше беспорядка, чем у Али. По утрам она не убирала постель, а страдала от этого Нани. Когда Марьям уходила, мать послала Нани убраться у нее, а вернувшись из школы, Марьям принималась ругать Нани: «Зачем утром убирать то, что вечером снова расстилать?» Нани в долгу не оставалась: «Девочка моя, в неубранную постель, всем известно, шайтан ложится и кал свой оставляет!»

Надев платье, Марьям с раздражением схватила бирюзовый платок, и в это время в комнату вошла мама. Критически оглядела неубранную постель и разбросанные повсюду рисунки, от которых в комнате сильно пахло краской.

– В твоем возрасте девочка уже должна быть как опытная хозяйка. Ровесницы твои уже все-все рукоделия знают – прямо сыплются из них знания!

Марьям хотела смягчить мать и ответила весело:

– А из меня вон рисунки сыплются, это разве не рукоделие?

– Вай, скажешь тоже! Я имею в виду настоящее рукоделие. Постель убрать – вот это рукоделие, чтобы матери не было за тебя стыдно. Или вот рукоделие...

Но Марьям подбежала к матери и поцеловала ее, чтобы не дать ей продолжить. Потом начала напевать, прищелкивая пальцами:

*Почему шкафчик здесь приоткрыт?
Почему у осла хвост велик?
Чтобы матери не было стыдно за ту,
Что опять на уроки бежит...*

²⁷ Пахлава – пирожное из слоеного теста с начинкой из миндаля и т. п.

– Матушка, ты уж ко мне с утра пораньше не придирайся! Не порти мне день. Нани за это деньги получает – пусть работает...

Ее слова прервал стук мужского дверного молотка. Мама, чье настроение заметно улучшилось, вышла из комнаты и спустилась на первый этаж. Там дедушка уже приказывал Кариму отнести хлеб и кастрюлю с мясом в залу. Карим быстро расстелил скатерть и разложил хлеб возле кастрюли. Когда все вышли к завтраку, он встал и попросил у дедушки разрешения уйти, но Али указал ему на место за столом:

– Садись, поешь с нами! Потом вместе в школу пойдем.

Дедушка только усмехнулся, а мать – так, чтобы Карим не видел, – быстро погрозила Али пальцем. Она сняла крышку с кастрюли, и пар пошел клубами. Начала половником переливать бульон в большую тарелку, а Али, увидев в кастрюле ножки и глаза, недовольно сказал:

– Дед, я думал, ты халим²⁸ заказал! Меня от ножек уже тошнит.

– Этот Али как капризная девчонка, – сказала Марьям.

Карим шепнул ему на ухо:

– Она права. Ешь знай!

Но Али не хотел садиться завтракать. Деду пришлось утихомиривать и усаживать его:

– Подожди, сейчас я тебе сделаю настоящий халим.

Мама, рассердившись, упрекнула деда:

– Ну что вы потворствуете ему? Он ведь и вправду девчонкой капризной растет, не в пример своей упрямой сестре.

Но дедушка, никого не слушая, взял тарелку и, отложив в нее семь-восемь ножек, аккуратно отделил мясо от костей. Потом отдал тарелку Кариму, чтобы тот обработал еду толкушкой для мяса. Как следует раздавленное и растертое, мясо ножек превратилось в массу белого цвета. И дед поставил эту тарелку перед Али.

– Вот тебе кушанье, султанскому халиму не уступит! Осталось тебе только по вкусу добавить хоть сахара, хоть соли!

Али взял тарелку и с удовольствием съел все мясо. И в течение следующего часа Кариму пришлось еще дважды сгонять в поварню Исмаила – сначала принести для матушки и Марьям добавку вареных глаз и языков, а потом ножек для Али, которому понравился халим по дедушкиному рецепту. И в каждое посещение Исмаиловой лавки Карим – за счет деда – сам съедал по порции языка...

Марьям так наелась, что от сытости едва соображала. Вспотела и обмахивала себя рукой как веером. Про Карима она словно забыла. Платок будто случайно спустила с волос себе на плечи.

– Я прямо сварилась вся...

Мама приблизилась к ней и выразительно посмотрела ей в глаза. Марьям состроила недовольную гримасу, но платок все-таки надела. Все бросили взгляд на Карима, но тот действительно не замечал Марьям, поглощенный едой. Тут Али увидел стрелки часов:

– Карим, а про время ты забыл? Мы же опоздали с тобой.

Дедушка, однако, сказал:

– Не волнуйтесь. Вы ходите в школу, чтобы душе была польза, но от хорошей еды польза наполовину телу, а наполовину – душе. – Это он позавчера услышал от тренера в спортивном клубе.

Карим шепнул на ухо Али:

– Пионер, а снова опоздал. Дуралей! Вздрючат и тело твое, и душу!

²⁸ Халим – кушанье, которое готовят из вареного мяса и молотой пшеницы.

Али встал и посмотрел на простецкую одежду Карима, потом подошел к большому зеркалу в коридоре и взглянул на себя. Синие брючки пионера, шляпа с лентой. Вспомнил, что придется сидеть рядом с другим пионером, Каджаром, и его передернуло. Словно кто-то его толкнул. Немного постоял на крыльце, возвышающемся над двором. Полюбовался воду бассейна – гладкую, как зеркало. В воздухе ни ветерка. В воде отражались гранатовые деревья. Вспомнил, что в этой одежде пионера он должен сидеть рядом с Каджаром, и закричал:

– Жарко мне!

И побежал с крыльца к бассейну. Это был второй день осени, и вода была холодная. Не раздумывая, Али нырнул в бассейн прямо в пионерской одежде. Громкий всплеск услышали все и выбежали во двор. Мать схватила Али за руку и вытащила из бассейна.

– Да ты с ума сошел! Заплыв в Евфрате устроил... Посмотри, что ты сделал с формой! Весь крахмал, вся глажка! Что же теперь делать?

Али, стуча зубами от холода, но смеясь ответил:

– Я... я в д-другой од-дежде п-пойд-ду. С легкостью!

Марьям, и Карим, и дедушка захохотали. Карим воскликнул:

– Исик-усач вместо говяжьих мозгов ослиные нынче подложил, иначе бы...

Мать так на него глянула, что он осекся. Задорожный – хоть он и правду говорит – не должен острить над ее сыном... Али вытерли, одели в другую одежду и отправили с Каримом в школу.

Марьям тоже пошла было, но дедушка сказал, что подвезет ее. На улице у Сахарной мечети Дарьяни, увидевший их и сразу выскочивший из лавки, вежливо поприветствовал их, чтобы загладить вчерашний инцидент со жвачками. И еще несколько встречных людей снимали шапки, здороваясь с дедом. Одному мальчишке он дал мелочи, чтобы тот отнес ее слепым. Сам он не мог это сделать, так как на углу улицы их ждала черная коляска на резиновом ходу и с кожаным верхом. Дедушка помог сесть Марьям и, садясь сам, извинился перед возчиком:

– Ждать тебя заставили? Ничего, сегодня за Искандером заезжать не нужно, он уже на заводе. Марьям-ханум, цветок сердца моего, отвезем в школу, и я... – Немного замявшись, он добавил нерешительно: – Пообщаться с ней хочу.

– Дедушка! – сказала Марьям со смехом. – А я надеялась, ты меня на «Додже» довезешь. Думала, опоздаю, так хоть машиной похвастаюсь!

– Разницы нет, – ответил дед. – Хоть на кобыле привезешь тебя, хоть на осле Марьям наша останется Марьям... А шофера я сегодня отпустил – в Шамиран, по семейным делам.

Марьям молчала. Дедушка продолжал:

– Марьям! Я хотел тебе одну вещь сказать. Знаешь какую?

Марьям вопросительно подняла свои сросшиеся брови.

– Я хочу тебе на тебя саму пожаловаться. Рассказать тебе сплетню о тебе самой... Иногда мне нравится поговорить с тобой... Относительно... мы в такое время живем... Относительно вот того, что было утром хотя бы. Насчет платков, косынок...

– Ага! Утром... Мне стало жарко, и я...

Марьям опустила голову, а дед спросил:

– Зачем ты вообще лицо закрываешь?

– Ну, для того, чтобы не видели посторонние... Я принимаю упрек. Карим ведь тоже посторонний, хотя...

Дедушка как будто обрадовался. Словно он что-то важное услышал. Он взял руку Марьям:

– Да, молодец! Знай, что ты ошибаешься. Лицо закрывают не для того, чтобы скрыть его от постороннего. Посторонний – это же не пугало, не говоря уж о Кариме, который совсем

почти свой... Нет! Лицо закрывают потому, что Аллах так велел. Всевышний человеку добра желает, Он наш товарищ, а если товарищ велит что-то человеку, то долг чести – исполнить это.

– Я понимаю, что Аллах так велел, но цель этого – та, о которой я сказала, бабушка, укрыться от...

Дед прервал ее:

– Ты цель оставь в покое. Она нас не касается. Если товарищ что-то требует от человека, то достоинство этого человека состоит в том, чтобы не спрашивать о цели и не выяснять, что к чему. Благородство нас заставляет выполнить просьбу, а не то, что мы находим цель правильной. А если мы не будем знать цели, тогда что? Не будем исполнять?

Коляска между тем остановилась возле школы «Иран», и Марьям хотела уже сойти, но помедлила. Она нагнулась к бабушке и поцеловала его в обе щеки. И он поцеловал обе ее красные щеки. И у обоих глаза стали влажными...

Марьям не успела и двух шагов отойти от коляски, как путь экипажу преградил полицейский Эззати, прозванный Холостяком; на голове его, как всегда, была нелепая синяя шапка. Марьям остановилась в изумлении. А Эззати словно на крыльях вылетел откуда-то, а потом встал перед бабушкой, по-военному щелкнув каблуками, как перед командиром:

– Разрешите доложить, господин? Имею приказ предупредить уважаемых девочек, чтобы не носили покрывала. В настоящее время это не приветствуется. Мне дано указание стоять у ворот школы и напоминать об этом. Я бы не осмелился обратиться к госпоже... дочери уважаемого, пока он не вернулся из поездки. Но тот случай, что вы прибыли лично, позволяет мне доложить... С этой недели все ремесленники также должны ходить вместе с женами на собрание, устраиваемое муниципалитетом. Сегодня очередь принцев.

Дед сделал знак Марьям, чтобы она отправлялась в школу. Поднял руку, как бы говоря ей: «Мы здесь без тебя решим. Дам на чай этому холостяку Эззати, чтобы не болтал чего ни попадя. Этот деревенщина ради нескольких грошей выдумывает какие-то небылицы. Раньше он прямо приходил к дому или заводу, получал мзду и уходил».

И Марьям вошла во двор школы. Девочки стали наперебой спрашивать ее: говорил ей что-то офицер Эззати или нет? Марьям не отвечала. Врать не хотелось, но голову поднимала высоко, дескать, нет, не говорил. У нее кружилась голова. На первом уроке учительница математики спросила ее несколько раз – а та ничего не смогла ответить. Учительница не выдержала:

– Марьям Фаттах! Дважды два будет четыре, а ты сегодня витаешь где-то. Спустишься-ка на землю, на первый этаж, в учительскую, умойся там и приведи себя в должное состояние.

Марьям была благодарна учительнице. Может быть, она переела сегодня бараньих ножек, но голова уж очень кружилась. Она спустилась и умыла лицо. Казалось, давит какая-то духота. Вышла в школьный двор – он был пуст. Глубоко вздохнула всей грудью – без толку. Пошла в столовую и попросила чаю у служащей их школы, которую звали Биби.

– Присядь, Марьям Фаттах. Бывает, мокрота-желчь разыграется, съешь не то, тошнота-простуда...

Марьям не очень понимала, что говорит старушка, однако кивала ей и успокоилась немного. Старушка эта была словно слегка не в себе, судя по речам ее, однако опрятная и бодренькая.

– Пей чаек, пей. Это в нем фрукта райская. Ни костяшки в ней, ни кожурки. Чай на тысячу заварок из лучшей бакалеи. Улучшает здоровье, сам Бог говорил: «Выпивший его с удовольствием попадет в рай». Как, Нани-то все еще у вас? Достойная женщина, правильная. Раньше-то она приходила к Биби. Когда я молода была – все ко мне приходили... И Искандер приходил, когда еще Нани не взял за себя... Только ты об этом молчок. А то меня из школы выгонят. Госпожа директриса сказала: «Биби, будешь болтать, тут же тебе вещи велит собрать, и из школы – в полицию». А потом – в органы, и в городскую управу. И пожалуйста: исправительная колония для подростков. Это вроде как и не для нас, а для падших женщин... Но

госпожа директриса сказала: если будешь болтать... Тогда половина военных чинов должна в колонию пойти! Звания и погоны тут ни при чем, они все одинаковые. Мужчина – он и есть мужчина... Все пристава, и офицера, и агенты сыскные...

В этот момент из своего кабинета вышла директриса и крикнула:

– Эй, Биби! Ты о чем там болтаешь?

...Марьям объяснила, что ей стало плохо и что учительница математики отправила ее выпить чаю и прийти в себя. После этого она вернулась в класс. Учительница ее слишком не нагружала.

– Дважды два – четыре, но бывает – человек в ударе, а бывает – ему плохо, день на день не приходится...

Занятия еще не вступили в свою полную силу, и вторым уроком сегодня, как и вчера, было пение. Месье Вартан вошел в класс с пачкой нот, которые раздал девочкам. Взял ноты до, ре, ми, фа, потом просил девочек повторять их. Возможно, он ожидал, что Марьям поднимется и спросит: «Разрешите, госпожа учительница?» – и все засмеются. Это был пожилой мужчина, поэтому считалось вполне приличным, что он работает в школе для девочек. И вот он ждал, когда же Марьям что-то скажет, потом не выдержал:

– Мадам Фаттах! Госпожа Фаттах! Сегодня вы не спросите: «Разрешите, госпожа учительница?»

Все девочки засмеялись, и учитель тоже, но Марьям лучше не стало. В голове у нее все было перемешано, и какие-то случайные картинки проносились перед глазами. «Женские посиделки у нас дома. Отец тогда был в отъезде или в Тегеране? Не помню. И особого повода для вечеринки не было. Кажется, это было ежемесячное религиозное собрание. Помню, что приглашали гостей заранее, за два дня начали готовить еду. Нани и Искандер, и даже я, и мама. Наготовили котел шоле²⁹, а также качи³⁰, и были орешки, фисташки, миндаль в сахаре и прочие сладости, и по всей зале подушки разложили вокруг большой скатерти. И вот собрались все гости. Искандера отослали прочь, потому что посиделки были чисто женские. Вместо него чай разливать поручили этой самой Биби. Некоторые женщины упрекали: “Зачем Биби за самовар посадили? Мы что, сами не можем, нас буря унесла или турок уволок? Неужели нет никого достойнее ее?” Кто же это говорил? Вроде бы жена принца – мать того самого Каджара, что учится с Али в одном классе. Она все время платит мулле, который пишет молитвы, чтобы отвадить джиннов от их дома. И вот теперь, ходят слухи, она сняла чадру и носит только косынку...»

Марьям очнулась. Заметила, что ничего не поет, а только шевелит губами. И месье Вартан заметил это, но не подает виду...

«К чему же я вспомнила эти посиделки? Все женщины пришли в чадрах, но в боковой комнате рядом с залой чадры с себя сняли. Накидки головные, чачваны³¹, платки – все снимали. В последний раз перед тем, как войти в залу, оглядывали себя в высоком зеркале. Кто-то доставал косметички, чтобы воспользоваться сурьмой, румянами, карандашиком косметическим, прически поправляли. Деликатно, быстро, не привлекая внимания к этому процессу. Женщины солидные, уважаемые, жены партнеров отца и деда – не из мелких лавочников. Входили в залу, достав из сумочки платочек с золотой вышивкой, и одним взглядом на других сразу устанавливали дистанцию: точно на пустое место смотрели. Впрочем, понятно было и то, что они думают о нарядах некоторых гостей... И была там одна старушка... Она вообще ни с кем не разговаривала. Совсем деревенская. Пришла в головной накидке из цветастой ткани, столь неказистой, что мы в таких и просроченный намаз читать не будем. И вот она лицевой

²⁹ Шоле – кушанье, сваренное из крупы и овощей.

³⁰ Качи – сладкая каша из муки и молока, которой кормят роженец.

³¹ Чачван – черная волосая сетка.

клапан открыла, но саму накидку не снимает и этак пялится на всех. На фоне других женщин, которые пришли в черном, ее наряд очень выделялся. Сто раз я говорила матушке, что гости должны соответствовать друг другу... В общем, пришла, села в зале у двери – ни с кем даже не поздоровалась, а все рассматривала остальных гостей. Словно до этого не видела простоволосых женщин или вообще никаких людей! Я хотела чайный поднос передать Нани, и столкнулась с ней: уж очень неудачно она села – у дверей. Я извинилась перед ней за нечаянный толчок и, протянув руку, сказала: “Снимите вашу накидку, тут ведь нет посторонних мужчин. Я положу ее в боковой комнате...” Тут она как закричит: “Нет!” И так и отпрянула от меня. Я про себя сказала: “Да провались ты в преисподнюю! Вот когда говорят “темные”, так это ты и есть! Так ведешь себя, словно специально хочешь себя на посмешище выставить!” Кто она такая вообще была? Не родственница, не знакомая. Аллах Всевышний, кто такая?»

– Ай-ай-ай, госпожа Фаттах! Фальшиво поешь, душа моя! О чем вообще ты думаешь?

Марьям пришла в себя. Пожилой учитель пел, вкладывая в это всю свою душу, и вот заметил, что Марьям фальшивит. Она приложила руку к груди, извиняясь. Улыбнулась смущенно. Но и девочки крик подняли. Учитель сказал:

– Ничего, простим. Иногда бывает невозможно сосредоточиться...

«Однако кто же она была? И почему я ее вспомнила? Помню еще, Каджариха, которая в тот день сильно разукрасилась... была старухой... Уж не мать ли Хадж-Мохташама? Нет, все-таки не настолько стара... Все сняли платки и накидки, кроме нее...»

Марьям вдруг осенило. Она даже вскочила на ноги, потом села спокойно и улыбнулась старому учителю, уже довольная собой – тем, что сумела-таки разгадать загадку.

«Я поняла! Эта старушка была матерью бдительного полицейского Эззати! Тут была дедушкина вина – он всех приглашает без разбора. И жену управляющего, и конторщика, и родственниц Дарьяни, и сестру Мусы-мясника... И члены семейства Аги-мирзы Ибрагима-кирпичника, тут же родственницы муллы – председателя мечети из потомков Пророка, и эта старушка, и Каджариха... Объяснил так: мол, они только приехали и никого еще не знают. У старушки, мол, никого нет, кроме холостяка Эззати – ее сына. По этой причине и пригласил ее! А старушка так и ела всех своим косым глазом. А иногда вдруг растопыривала пальцы и кусала себя за кожу между большим и указательным – нас попрекала таким образом, нарушение, мол, религиозных правил! Ближе к концу посиделок взяла и пересела к Каджарихе, намазанной косметикой в три слоя и восседавшей в гордом одиночестве. Может, старушка хотела и ей мораль прочесть, но, как бы то ни было, они нашли общий язык. Крайности ведь сходятся! Да еще как они разговорились-то! “...Скажу вам как на духу, у меня беда: сын холостой”. – “А у нас мулла опытный, пишет хорошие молитвы-заклятья. Очень помогают, проверено, у нас ведь тоже джинн в доме есть!” Черт бы побрал такую парочку!»

Марьям пришла в себя. Биби во дворе застучала молотком по железному листу. Девочки ринулись прочь из класса, не обращая больше внимания на месье Вартана, который собрал ноты и хотел было завершить урок с достоинством.

«Теперь я понимаю, почему вспомнила тот день... Виноват полицейский Эззати. Испортил мне все утро... Слышал звон, да не знает, где он! Будь этот лысый врачом, он свою голову вылечил бы! Сын такой мамы-высочки берется поучать внуков Хадж-Фаттаха, осовременивать их, видите ли! Не перегнул ли он палку?! И не следует ли ему начать с собственной мамы?..»

Несмотря ни на что, Марьям была довольна тем, что разрешила задачку, заданную ей собственной памятью. И тут она вспомнила, что сегодня, как и вчера, она ведет у первоклашек третий урок – рисование. И приосанилась: ведь она учительница! Стало радостно оттого, что сейчас снова увидит этот водопад каштановых волос. Она сама не знала, почему, но всякий раз, как думала о Махтаб, вспоминала Али. Быть может, из-за вчерашнего рисунка Махтаб? С хорошим настроением она забежала в учительскую и сполоснула себе лицо.

* * *

Али, освободившись от гнета синих форменных брюк и шапки с лентой, вместе с Каримом вышел за ворота. Карим поглядывал на его влажные волосы:

– Ну ты и дал! Видно, и вправду отведал ослиных мозгов и кобыльих ножек. Зачем ты нырнул?

– Да чтобы с Каджаром не сидеть... Ведь я теперь не пионер.

Карим кивнул и глубокомысленно хмыкнул. А потом уговорил Али, как и вчера, купить у Дарьяни двухсотграммовый пакет рахат-лукума.

– ...Карим, у тебя утроба ненасытная! Как в тебя все влезает?

– Как влезает? – переспросил Карим. – А вот так! – И он кинул себе в рот большую горсть рахат-лукума.

Проходя мимо поварни Исмаила, Карим сказал Али, что сейчас догонит его, и нырнул в дверь. А там у Исмаила, занятого мытьем грязной посуды, попросил еще порцию языка – за счет Хадж-Фаттаха. И вместе с клубами пара из поварни вырвался удивленный возглас Исика-усача:

– Вот это да! «Мне немножко и пять добавочек!»

Проглатывая на ходу мясо, Карим догнал Али и спросил его:

– Ты не хочешь языка? Вернее, не хотел?..

Али расхохотался. Но на душе у него было беспокойно. Сегодня они снова опоздают в школу, и формы пионера на нем нет ... Он напустился на Карима, чтобы тот быстрее шагал. Однако сам, увидев семерых слепых, остановился. Со вчерашнего дня они порядочно продвинулись. И Али достал все монетки, что у него были, и отдал им:

– Мне ждать недосуг, но вы каждый берите только по одной монетке и двигайтесь, не останавливаясь...

Семь слепых ответили хором:

– Аллах да вознаградит тебя!

Они начали пересаживаться по порядку, и цепочка медленно поползла вперед...

Магазины открывались один за другим, и начинался новый день. По пути владельцы лавок здоровались с Али:

– Передавай привет старшему рода!

– Когда отец твой из поездки вернется? Что-то задерживается. Обычно в это время года мы уже видим его светлый лик...

– Об отце какие новости? Только сахар привезет или еще что-то?

– Передавай мой привет Хадж-Фаттаху!

Али торопливо отвечал каждому из них. В конце концов опоздали они с Каримом всего на десять минут. Гимн уже пропели, и ученики следом за пионерами заходили в классы. Карим и Али юркнули в последний ряд шестого класса, Карим присел, чтобы завуч не заметил его, а Али и так был невысок. Но у дверей класса завуч подошел к ним. Они испугались. Завуч, указкой похлопывая себя по ладони, сказал Али:

– Ты сегодня не в форме. А я сначала подумал, что ты опоздал!

Али не хотел врать и потому промолчал, не подтверждая слова инспектора, но и не возражая ему. А Карим быстро пояснил:

– Форма его запачкалась, стирается, и мы вовсе даже не опоздали.

Завуч словно не расслышал его слов и лишь знаком приказал потропиться. Али с чувством облегчения вошел в класс и сел на последнюю парту с Каримом и Моджтабой. Когда все расселись и шум утих, Каджар заметил, что он один, и повернулся назад:

– Али! А ведь твое место здесь!

Вместо Али откликнулся Карим:

– Если бы он был пионером, тогда да! Но подобный должен сидеть с подобным. Голуби с голубями, – Карим указал на их троицу на последней парте, – а гусь без гуся! – И он указал на Каджара.

– Как ты сказал? Гуси?!

– Да нет, какие гуси? Слоны!

Класс грохнул от смеха. Каджар, оставшись в одиночестве, молчал. Но через некоторое время, раздосадованный тем, что сидит один и что его осмеяли, начал говорить о своих дедах и отцах:

– Мы из чистокровного рода победителей, нас победа привела к трону. Не то что эти нынешние! Абсолютная победа. А сегодня задорожный насмеяется над нами, в силу вошел. У каждого из нас есть порода, как у всех шахов и султанов. Мы можем жить по-шахски. Принцы – так называют нас, например, моего отца так звали...

Али перебил его:

– Но вы со всем вашим великолепием не могли ни дня прожить в свое удовольствие...

– Не могли?! А как же все эти гаремы и женщины, и все прочее, и праздники с карнавалами, и шуты, и барабаны-трубы?

– Это все так. Но при всем при том, как я уже сказал, вы не можете ни дня прожить в свое удовольствие...

Каджар удивленно переспросил:

– Что это значит? Что значит – не можем прожить в свое удовольствие? Что такое удовольствие?

Али с невинным видом развел руками:

– Я точно не знаю, но так дедушка говорил одному из своих друзей. Говорил: «Эти дохлятины-наркоманы со всем своим великолепием не могли и дня прожить в свое удовольствие!»

Карим, Каджар и все остальные в молчании вопросительно уставились на Али. Никто не понял, что он имел в виду. Однако Моджтаба, хотя и был молчалив, вдруг заговорил.

– Конечно, жизнь не сводится к получению удовольствия, – сказал он, – однако дедушка Али, Хадж-Фаттах, говорил правду. Они не могут даже один день прожить в свое удовольствие!

В классе начали шушукаться, переспрашивая друг друга: «Что они имеют в виду?» Даже Карим не понимал, а Али и Моджтаба улыбались друг другу так, словно знали кое-что, но не могли или не хотели произносить вслух. Каджар, который при всяком удобном случае начинал рассказывать о своей семье, заговорил:

– Не жили в свое удовольствие?! Что за чепуха? Вообще, почему люди из рода Каджаров так похожи друг на друга? Здесь не только наследственность, это еще и дело вкуса. Мои предки выбирали себе в жены красивых девушек, потому-то наши лица и похожи. Любого из нас, из каджарского рода, издали узнают. Сильное, плотное тело. Но важнее всего узкий подбородок. – Он взял себя двумя пальцами за подбородок. – Вот такой. Говорят, что наши подбородки похожи на английские.

Хвастовство Каджара начало всех утомлять. Моджтаба занялся чтением, но Карим сказал ему и Али:

– Поглядите, как я его сейчас опозорю!

И он спросил у Каджара, состроив верноподданническую физиономию:

– А что, правда ваши подбородки похожи на английские?

Каджар кивнул и снова двумя пальцами взялся за подбородок. А Карим с таким выражением, точно разрешил сложный вопрос, воскликнул:

– Так вот в чем дело! Говорили же, что от евнуха Мохаммад-хана толку не было, значит, вместо него англичане в постели работали!

Кто-то сразу фыркнул смехом, некоторые стали переспрашивать друг друга, но смех стоял громкий. Рассерженный Каджар вскочил. Всей своей грузной тушей он двинулся в атаку на Карима, но ребята удержали его.

– Ну, Карим-заморыш! – пригрозил Каджар. – У шуток тоже должен быть предел! Это уж слишком...

И больше он ничего не смог вымолвить – слезы душили его. Чтобы никто не увидел этих слез, Каджар выскочил из класса. А ребята все еще смеялись.

Моджтаба, однако, с серьезным лицом закрыл книгу и встал. Он сильно постучал рукой по парте, требуя внимания. Класс замолчал, а Моджтаба, глядя на Карима, дрожащим от гнева голосом заявил:

– Карим! Ты поступил невежливо и должен извиниться перед Каджаром. Али! Ты тоже не смейся, это не смешно. Это печально. Нельзя шутить над достоинством человека...

Али, хоть и смеялся громче всех, в то же время чувствовал раскаяние за свой смех. Однако он решил поддержать Карима:

– Ничего уж такого плохого...

И Карим возразил Моджтабе:

– Ты же сам вчера говорил о шашнях с поваром...

Моджтаба, немного подумав, ответил:

– Ты прав, я тоже не должен был этого говорить. Но, во-первых, это была правда, а во-вторых, я не имел цели высмеять его...

В этот миг в класс вошел завуч. Входя, он сильно стукнул указкой о дверь. Все сразу замолчали. Указку завуч направил на Карима и сделал знак ему встать, потом подоити к нему. Карим подошел, и завуч выгнал его из класса. Затем указал на Али. Али оглянулся направо-налево и встал. Он хотел тоже выйти из класса, однако завуч усадил его на место рядом с Каджаром. Потом вышел из класса, а вошел Каджар и сел рядом с Али. В классе по-прежнему стояла тишина.

В этой тишине поднялся Моджтаба и попросил у Каджара прощения – за Карима, за Али и за себя самого. В то же время упрекнул Каджара за то, что тот он донес на Карима.

Али в этот день было не до уроков. На каждой перемене он бежал к кабинету завуча, однако дверь была заперта. И на последнем уроке Карима не было. Ученики беспокоились, и даже Каджар был не в своей тарелке. Он переживал и поглядывал на Али.

– Али!.. Послушай, Али...

– Что тебе?

– Ничего!

– Так не повторяй «Али, Али»...

Каджар, замолчав, попытался читать, затем снова заговорил с Али:

– Али!.. Знаешь, сегодня мой отец с мамой идут в городскую управу...

– Идут в управу – что это значит?

– Мама должна идти с непокрытой головой... Страшно мне!

– А чего тебе страшно? Мама твоя, говорили, давно уже чадру сняла...

– Нет, мы... Ты никому не говори только, но у нас в доме есть джинн. И вот я... сегодня вечером... буду один, только со старой служанкой...

Али рассмеялся и посоветовал ему не думать о чепухе. Как говорил дедушка, это все суеверия.

...Наконец прозвенел последний звонок, и ученики бегом ринулись из школы. Только Али и Моджтаба встали у двери завуча. Через несколько минут Карим, поддерживаемый сторожем и сильно хромя, вышел в коридор. Моджтаба и Али подхватили его под руки с обеих сторон. А он даже говорил с трудом. Попросил подвести его к бассейну. Сорвал гиве и страшно распухшие ноги сунул в воду. Али услышал громкое шипение и спросил:

– Здорово били?

– Так били, что вся сила бараньих ножек вылетела из меня... Все ножки, что были во мне! – Карим, видимо, почувствовал облегчение. – Даже та их часть, которая питала душу...

Все трое посмеялись, и Али пересказал Моджтабе дедушкину теорию о том, что хорошая еда питает и душу. И они, по-прежнему держа Карима под руки, повели его из школы домой. Но, только вышли за школьные ворота, Карим встал как вкопанный. Он вновь вспомнил все, что пережил.

– Ну Каджар! Говорил я и повторяю: осрамлю его!

Моджтаба успокаивал Карима:

– Хорошо, однако и ты лишнего сказал. Ты был очень невежлив. Он имел право рассердиться и пожаловаться...

– И напрасно. Какое еще право он имел? Да я его так...

Али перебил:

– Он не такой уж и плохой парень. Человек все-таки!

– Дуралей! О чем ты говоришь? Этот... этот Каджар слоноподобный – человек?!

– Ну да, вообще-то. Он человек... С другой стороны, и не совсем человек... Несчастный он. И виноват он. А знаешь, какой он трус! Он говорит, что боится джинов, а сегодня вечером к тому же его отца и матери не будет дома...

Но Карим не смягчился:

– Все знают, что он боится джинов, это не новость... Несмотря на все ваши доводы и оправдания, я его осрамлю. Если бы вам сегодня попало так, как попала мне...

Сзади к ним приближался дервиш Мустафа и хотел обогнать их. Карим продолжал ругаться, но, когда дервиш воскликнул «О, Али-заступник!» – Моджтаба и Али заметили его и расступились, чтобы дать ему пройти. А Карим с места не сдвинулся и показал рукой дервишу, чтобы тот обошел его. Дервиш так и сделал, а потом остановился и внимательно посмотрел в глаза Кариму. И, хотя дервиш Мустафа смотрел на Карима, взгляд его не выдержали Моджтаба и Али – опустили головы. Карим же продолжал пялиться на дервиша, и тот похлопал его по плечу:

– Во-первых, тот, кто невоспитан, явно не получил воспитания. Во-вторых, если невоспитанный доживает до старости, сие удивительно... О, Али-заступник!

И дервиш хотел идти дальше, когда Карим сказал ему с досадой:

– Ступай себе, отец, на здоровье!

Опять дервиш остановился и внимательно посмотрел в глаза Карима, но на этот раз ничего не сказал. А Карим между тем задумался: почему дервиш упомянул о невоспитанности? Неужели знает о том, что сегодня произошло? И Карим вспомнил утро, когда пекарь Али-Мохаммад тоже знал, сколько ему нужно хлеба. «Сегодня все заодно!» – подумал Карим. Он вновь посмотрел на удаляющегося дервиша, и ему на миг показалось, что это не дервиш, а пекарь...

Ребята довели Карима до дома, и тут Карим отозвал Али в сторонку и тихонько спросил его:

– Говоришь, он джинов боится? И отца его с матерью не будет сегодня?

– Да, а что из этого?

– Пошевели извилинами, дуралей! Ты что-то непонятливый сегодня. Я вечером зайду к тебе – будь готов...

Потом Карим попрощался с Моджтабой:

– Ты столько времени потратил, хоть тебе и не по пути было. Конечно, я бы и сам приполз, но...

Моджтаба шел в приподнятом настроении. Вместе с Али они выбрались из оврага наверх, и по дороге он посоветовал Али почаще успокаивать и сдерживать Карима. Расстались они у Сахарной мечети, а к дому Али подошел одновременно с Марьям.

* * *

Пока дети были в школе, к матушке пожаловала одна гостья, потом вторая, потом еще и третья... Стучал дверной молоток, и Нани шла открывать, затем бежала к матушке:

– Госпожа! К вам жена господина Фахр аль-Таджара! – Потом: – К вам дочь Аги-мирзы Ибрагима. – Затем: – К вам мать Парвиза Муниса, инженера...

После этого к дверям шла сама матушка и приглашала гостью зайти. Но та отказывалась проходить дальше крытого коридора и начинала излагать свое дело:

– Извините великодушно, но не назначите ли Вы время, когда мы могли бы побеспокоить вас нашим визитом?

– Что за церемонии?! Приходите, когда хотите, наша дверь всегда открыта...

– Спасибо огромное, но мы хотели бы в такое время побеспокоить вас, когда дома будет и госпожа Марьям.

– Ах, Марьям?! – Матушка немного переводила дух, чтобы были не так заметны ее возбуждение и гнев. – А с Марьям где вы имели честь видеться?

На этот вопрос жена господина Фахр аль-Таджара, дочь Аги-мирзы Ибрагима-кирпичника и мать Парвиза-инженера отвечали по-разному. То на какой-то вечеринке, то младшенькая дочка или внучка принесла новость из школы о том, что урок рисования вела Марьям-ханум в первом классе и что она была как райская гурия. А в подтверждение, дескать, был принесен рисунок, где она изображалась со сросшимися бровями и губами-бутонами, и вообще...

Здесь матушка прерывала гостью:

– Во-первых, ее отец сейчас в отъезде. Во-вторых, даже если бы он присутствовал, мы не имеем никакого намерения выдавать Марьям замуж...

– А между тем время для этого подошло. Бутон расцвел, и завтра может быть поздно...

– Еще раз довожу до вашего сведения, что мы не собираемся пока выдавать Марьям замуж...

После этого следовали прощальные лобзания с женой господина Фахр аль-Таджара, с дочерью Аги-мирзы Ибрагима, с матерью господина Парвиза-инженера... и хозяйка дома с удивлением закрывала за ними дверь.

* * *

Марьям и Али вернулись из школы одновременно. В школе они перекусили в полдень, однако к их возвращению Нани обычно готовила и настоящий обед. Но не успели они еще все доесть, как в угловую комнату влетела мать и встала перед Марьям, руки в боки.

– Ваша милость уже получила аттестат за двенадцать классов, и как сообщают, изволит давать уроки? Оказываете покровительство первому классу? С такой опрятной комнаткой и с такими возвышенными устремлениями вам в самый раз быть наставницей молодых! Особенно в делах искусства!

Марьям встала из-за стола. С чего это вдруг матушку взволновало ее учительство, в чем тут дело? Заставив себя улыбнуться, Марьям, как и утром, защелкала пальцами и запела:

Почему шкафчик здесь приоткрыт?

Почему у ворот конь стоит?

Чтобы матери не было стыдно за ту,

Что опять на уроки бежит...

Утром эта песня смягчила матушку, однако сейчас – нет.

– Дело к вечеру, и настало время вечерних придинок? – спросила Марьям. – Пощади меня, матушка! Я ведь не напрашивалась уроки давать, меня госпожа директриса послала. И кстати, что в этом плохого?

Мама не могла ей объяснить причину и изменилась с досады в лице.

– Нет, я решительно против. Больше ты не пойдешь в чужой класс. Ты будешь только учиться сама, в своем девятом классе.

Марьям пристально посмотрела на мать и задумалась. Потом вспомнила:

– Кстати, никто вам еще не сообщил новость, что господин наследник был не единственным, кто прыгнул сегодня в бассейн? Был еще один человек...

Али и мама в один голос спросили:

– Кто?!

– Нани не рассказывала? Махтаб! Дочь дяди Искандера и Нани. Я вижу, она чихает. Спрашиваю у госпожи красавицы, в чем дело, почему все время розовый платочек у лица. Смеется и говорит своими полными чувственными губками: дескать, уворачивалась от Нани и бухнулась в бассейн. И это правда: я потрогала ее длинные каштановые волосы – влажные! А ведь ей только семь лет...

И в этот миг Али первый раз в жизни почувствовал, как у него екнуло сердце. А мама, которая – как и каждая мать на ее месте – быстро все поняла, строго сказала:

– Хватит зубы заговаривать. Пообедали – садитесь за уроки! Вот и весь сказ.

Однако для Али этим дело вовсе не кончилось. Сидя за уроками, он напел про себя: «Махтаб» – и сердце вновь так же екнуло. Снова произнесет имя – и снова сердечный трепет. И он был счастлив, что есть у него что-то, от чего дрожит сердце. Наконец у него есть что-то свое, своя тайна, кто-то свой! Как ни раздумывал, он не мог понять, почему она упала в бассейн. Ведь он тоже упал в бассейн в этот день. И он со светлым чувством ожидал, пока постучит дверной молоток и явится братец его тайны. Теперь он все сделает для Карима, о чем бы тот ни попросил...

* * *

Уже смеркалось, когда застучал дверной молоток. Али бегом кинулся к двери и открыл ее. Он ожидал Карима, но вместо него увидел дедушку, который бросил Искандеру:

– Заводи во двор и разгружай.

Искандер загнал во двор двух ослов, нагруженных мешками с гранатом и ящиками с виноградом. А дедушка встал возле пруда и, как заправский проповедник, убеждал мать и Марьям в пользе такой большой покупки:

– Древние мудрецы говорили: «ножка аль гранат, аль-халим – аль-виноград!» Иными словами, если переел бараньих ножек, гранат поможет им выйти, а если запор от халима – то виноград!

Матушка, смеясь, ответила:

– Да, древние не знали, что мы сегодня халим не ели, только ножки!

Марьям поддержала ее:

– К тому же в арабском языке нет звука «г», поэтому мудрость явно поддельная!

Дедушка со смехом отмахнулся от них и пошел назад к дверям. Отдал хозяину ослов четыре ассигнации по пять реалов; тот, поцеловав деньги, убрал их в карман и удалился. А дедушка стал смотреть, как Искандер носит фрукты в подвал, и ему помогают Карим, который только что пришел, и Али. Дед хотел позвать Али, потом подумал: «Пусть поймет сам, что

такое дружба. Не нужно запрещать ему. Вон, даже грузчиком готов трудиться. Великодушный парень растет». Карим зачем-то подобрал моток веревки и отдал его Али. Дед выбрал четыре граната и кликнул обоих мальчиков:

– Идите сюда. Как следует раздавите их, выжмите сок и выпейте.

Али и Карим, поблагодарив его, занялись делом, так что Искандер в одиночку носил ящики в подвал.

* * *

Карим шел по улице, выжимая гранаты, и спрашивал Али:

– Значит, говоришь, у него сегодня и мать, и отец уйдут, так?

Али смотрел куда-то вдаль. Вместо ответа он произнес:

– Махтаб упала в бассейн... Не простудилась она?

– А ты как узнал? Я и сам только что услышал. Утром завтракать отказывалась, мать ее попыталась заставить, кобылка побежала прочь, ну и – прыг в бассейн...

– Не простудилась?

– Что ты, дружище! Зараза к заразе не пристаёт. Здоровенькая как огурчик... Ага! Вон опять дервиш Мустафа!

Али увидел впереди дервиша, идущего им навстречу. Белобородый и в белой одежде с ног до головы, с серебряной миской для подаяния, он шагал, восклицая: «О, Али-заступник!» И рукоятью своего посоха он нацелился на Али. Карим вздохнул с облегчением: значит, на сей раз не по его душу. Дервиш, глядя прямо в глаза Али, произнес:

– Единственное в мире, что чем больше дрожит, тем крепче становится, – это сердце. Сердце человеческое! Выжимай его, пока сок не пойдет... А сок его ведь ой как сладок?

Карим не совсем понял дервиша, но кивнул. А дервиш простер руку к голове Али и произнес:

– Благословение!

Потом провел рукой по своим седым волосам и бороде:

– Принимающий Аллаха... Влюбленный, что еще не совершил омовения, он по-настоящему любит... И благословенно желание его! О, Али-заступник!

И дервиш Мустафа ушел, но голос его все звучал в ушах Али: «Единственное в мире, что чем больше дрожит, тем крепче становится, – это сердце. Сердце человеческое! Выжимай его, пока сок не пойдет... А сок его ведь ой как сладок?... Влюбленный, что еще не совершил омовения, он по-настоящему любит... И благословенно желание его!»

Али не вполне понимал, что значит «не совершил омовения». «Благословенно» – он слышал от матери и дедушки, но как узнать точное значение?... Он задумался. Тихонько произнес: «Махтаб!» И тут сердце его екнуло. И он громко крикнул:

– Так вот что такое любовь!

Карим, занятый выжиманием четвертого граната, вздрогнул:

– Дуралей! Чего орешь? Стоит спокойно, потом вдруг как заорет, словно в атаку на тетку родную пошел!

Али глядел на Карима, постепенно приходя в себя. Засмеялся. Его осенило, что очень любит Карима, хотя тот и не понимает, что такое любовь. Карим, высосав последний гранат, произнес:

– По гранатам можно читать отходную, но сейчас вопрос в другом. Во-первых, забудь про дервиша Мустафу. Он может высоко вознести, но и больно скинуть. Потому его и не слушают. А во-вторых, и это самое главное, иди за мной и все, что я скажу, выполняй беспрекословно.

Али, рассмеявшись, изогнул свои сросшиеся брови и ответил:

– Слушаюсь, господин Карим!

Зачарованный, он шел следом за Каримом. Тот достиг улицы Мохтари и свернул на нее. Здесь находился дом бывшего премьер-министра, Кавама эс-Салтане³², и здесь же купили себе дома некоторые из потомков Каджаров. Карим подошел к одному из этих домов. Уже стемнело, кое-где зажглись газовые фонари. Карим размотал веревку, которую захватил из дома Али, и привязал конец ее к дверному молотку. Другой конец веревки он отдал Али, который, словно спящий или лунатик, не задавал никаких вопросов. Они оба отошли от дверей к дереву, и Карим попросил Али сцепить руки. Опираясь на них, Карим залез на чинару, а потом подтянул наверх Али.

– Слушай-ка вот что. Слуг и служанок нет в доме?

Али пожал плечами и хотел сказать что-то, но Карим остановил его:

– Тише! Ни звука!

Карим подергал за веревку, привязанную к дверному молотку, и тот застучал в дверь. Через некоторое время неуверенный, словно детский голос спросил из-за дверей:

– Кто там?

Карим восторженно шепнул Али:

– Это он! Слоноподобный!

Он снова подергал за веревку, и молоток опять застучал. Каджар открыл дверь. Встревоженно оглядел улицу, но никого не увидел. Вернулся в дом и запер дверь. Карим через некоторое время опять подергал. На этот раз Каджар, который притаился за дверью, мгновенно открыл ее, но опять никого не увидел. И вот теперь он испугался. Он быстро юркнул в дом и, сильно хлопнув дверью, запер ее. Но Карим вновь стал дергать за веревку. Али все это надоело, и он в раздражении спрыгнул с дерева:

– Хватит уже! Если хотел напугать, ты этого добился. Но Аллах свидетель, довольно...

– Дуралей! Ты сам-то чего перетрусил? Как девчонка стал...

Они еще спорили, как показался смотритель водоемов с лопатой на плече и с фонарем в руке.

– Молодой господин! – обратился он к Али. – Ваш водоем заполнить?

Испуганный, Али ответил:

– Да, пожалуйста. Будьте добры.

Смотритель открыл крышку люка, под которой находилось ответвление от общего арыка в домашнее водохранилище Каджаров. Прочистив его, он спустил некоторое количество грязной воды, а потом пошла вода чистая.

– Я пойду, молодой господин, если вы не против, – сказал рабочий. – Меня вызвали в дом господина Кавам эс-Салтане. А вы, пожалуйста, возвращайтесь к себе: когда водохранилище наполнится, попросите кого-нибудь из домашних перекрыть воду. Я сегодня вечером занят...

Когда смотритель водоемов ушел, Карим спрыгнул с дерева.

– Черт, обломал нам кайф! Одна нога уже была в кайфе, а другая еще нет. Если бы не он, я бы этого окаянного Каджара сегодня опозорил!

Али промолчал – в душе он был рад, что им помешали. Он тянул Карима за руку, чтобы уйти, а тот все бормотал:

– Одна нога была в кайфе, а другая еще нет...

Когда они дошли до перекрестка, какая-то мысль вдруг осенила Карима.

– Ты подожди здесь, я сейчас...

Али подумал, что Карим побежал за веревкой... И только значительно позже Карим расскажет ему, что он тогда сделал:

³² Кавам эс-Салтане Ахмад (1879–1955) – государственный и политический деятель Ирана. Крупный гилянский помещик. В 1921–1922 годах, 1922–1923, 1942–1943, 1946–1947, 18–21 июля 1952 го – да – премьер-министр.

– В тот вечер я все-таки этого труса Каджара опозорил. Сто раз повторил про себя, что одна нога была в кайфе, а другая нет, и вот решил действительно ножки-то свои расставить. Вернулся и облегчился в их водохранилище. В сто раз хуже ему сделал! Как подумаю, что они совершают омовение моей мочой... Гораздо хуже ему сделал!

3. Она

Все в мире проходит. Мир наш преходящ.³³ Есть кварталы Паменар, Хан-наиб, Коли, Мостоуфи, Лути Салих, Карим-река. Правда, последнее название мы сами придумали. Карима однажды сильно приспичило возле одного из рынков, ну прямо невтерпеж, не лопаться же! И вот он говорит нам: смотрите туда. И, когда мы отвернулись, он беспардонно расстегнул брюки и помочился прямо там, возле молочной лавки Шахпура. И сказал после этого:

– Такое облегчение, словно река из меня вышла!

С тех пор мы и начали называть это место «квартал Карим-река»... Говорят, это название потом передавалось из уст в уста, причем некоторые повторяли его, даже не зная о самом событии. А что вы хотите, и не такое бывает. Не удивлюсь, если завтра комиссия уважаемых исследователей придет к выводу, что в этом месте действительно когда-то текла река под таким названием. Есть ведь люди, которые, пока все до последнего слова не выяснят, не успокоятся. И вот копаются в истории, вытаскивают из нее разные слова. Будто не знают, что история преходяща...

Итак, квартал Коли. Год тысяча девятьсот сорок первый, солнечный год. Их было не десять, не двадцать – по моей прикидке, их было семь или, может быть, восемь. А нас было только двое – я и Карим. Он меня вел за собой. Сказал, если не пойдем, то мы не мы. Может, нас просто пугают, дескать, попробуйте суньтесь, а реально ничего не будет – экзамен на храбрость. Речь шла о братьях Шамси. Они нас сразу окружили, и их было как минимум пятеро. Рост, лица – все как из описания убийц имама Хусейна. Один, правда, был попроще, рабочий паренёк по виду, он сильно шепелявил:

– Карим-шлабак, жук ты щёрный, у тебя ражве швоей шештры нету?

Я ничего не понял. Схватил за шиворот этого рабочего паренёка, и тут меня сзади сильно ударили по голове. Возможно, дубиной, причем тяжелой. Рабочий паренек крутился и крутился, пытаюсь вырваться из моих рук, Карим тоже дрался как мог, потом все выключилось...

...Очнулся я от невыносимого холода. Открыл глаза и понял, что на меня льется холодная вода, причем не каплями, а потоком. Льется прямо мне на лоб, а я лежу под водяной бочкой на улице Моуляви. Для удобства народа такие жестяные бочки стояли на улицах здесь и там, и вот кто-то положил меня под эту бочку и открыл кран, и холодная вода, прямо ледяная, течет на меня. Хочешь не хочешь, но я вспомнил месяц мохаррам³⁴. Тут все было наоборот, но тем не менее. Неясно было, кто из злодеев открыл воду.

Я поднялся на ноги и закрыл кран. Увидел Карима, который, по пояс голый, сидел возле арыка. Не обращая внимания на возможных прохожих, он разделся и стирал в этом арыке свою рубашку. Я подошел к нему. В виске у меня стреляло от холода. Карим сказал, что, для того чтобы я очнулся, он положил меня под струю воды. Я осмотрел его. Все черты лица были на месте. Иными словами, очень сильно его не избивали. Осмотрел тело: и оно в порядке. *Каждая голова смотрит на своего товарища. В этом первое правило дружбы. Черный барашек смотрит на коричневого, на розового...* (смотри главу «1. Я»). Я повернул к себе лицо Карима и отшатнулся от вони. Он окунул голову в арык, вынул ее из воды, но от нее все равно воняло какой-то кислотой или аммиаком. Меня затошнило, и я наклонился к арыку, но не вырвало. Карим сказал:

³³ В персидском языке от «проходить» или «прохожий» образовано слово «квартал». «Проходить» и «квартал» – одно слово по-персидски.

³⁴ Мохаррам – первый месяц мусульманского лунного года, тот месяц, в который произошло убийство имама Хусейна. Этому предшествовала долгая осада лагеря Хусейна, когда он был отрезан от реки и лишен питьевой воды.

– Мать твою, они, похоже, целую неделю не ссали. Так много в них мочи было. Лоханку каждый накопил. Столько мочи – я и представить не мог! Это не мочевые пузыри, это верблюжий горб! Я слышал, что у девицы Шамси есть брат-дохлик... Хорошо. Действительно оказалось, есть брат, тот самый паренек, с которым вы за грудки друг друга таскали... Да, говорили, брат-дохлик. Но что еще пять братьев – об этом никто не предупреждал. Мать твою так... Хорошо, что тебе этой жидкости не досталось. Они тебя бросили там, где ты упал. И меня особенно не били, только все время ссали на меня. По одному, по очереди. Тебя тогда не было, но мне дочь торговца требухой сказала мол, если дойдет до ушей моего уважаемого брата... Я ответил: насать мне в уши твоего уважаемого брата! Я имел в виду одного этого. Но шестеро – это слишком! Между нами говоря, нас взяли сегодня в оборот, в клещи взяли... есть понятие – брат жены или шурина, но такое... тут получился коллективный брат, мать его так...

Я запустил пальцы в его мокрые волосы, от которых воняло. Воротило меня от этой самой вони... Как я переживал за него и за эту вонь... Самый мой близкий друг. А дружба не разбирает, приятен запах или нет... И я заплакал... А потом засмеялся и спросил его:

– Помнишь случай с домашним водохранилищем Каджаров?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.